

О.Э. ОЗАРОВСКАЯ

БАБУШКИНЫ
СТАРИНЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ОГНИ

Петроградъ

1916

и.с.о.р.у.с.

М. Д. Кривопол'нова.

Есть сказочный край на Руси... Все поражаетъ человѣка, попавшаго на русскій сѣверъ впервые: и неожиданная красота высокихъ алебастровыхъ береговъ съ черными таинственными пещерами надъ чистой широкой рѣкой, и переливы красокъ двухмѣсячнаго дня, пересѣкаемаго только краткой сонной тишиной, и крестьянскій бытъ, такъ непохожій на укладъ мужицкой жизни въ средней Россіи, и эта удивительная любовь къ слову, къ пѣснѣ, къ сказкѣ, ко всему чудесному.

Тамъ въ рѣкѣ еще живетъ «чертушко» съ тремя телячьими головами; въ лѣсу — «онъ»; въ дому — «хозяинъ»; въ теплой баенкѣ (банѣ) — ласковый, шутливый «байницекъ».

Тамъ, на рѣкѣ Пинегѣ, когда жонки идутъ за малиной, онѣ всегда должны быть готовы къ встрѣчѣ съ медвѣдемъ, встрѣчѣ мирной и

кроткой (медвѣдь всегда уходитъ), но отъ этой встрѣчи и у мужиковъ волосы встаютъ «дымомъ», и шапки на головѣ приподнимаются... Тамъ не ходятъ по грибы, а ѣздятъ «на коняхъ въ телегахъ» цѣлыми семьями, всей деревней въ темные сузѣмы (тайга) «ломать грибы»... и за нѣсколько часовъ съ непрерывнымъ ауканьемъ, чтобы не закружиться въ глубокихъ, одинаковыхъ съ виду «мургахъ» (огромныя воронкообразныя ямы—слѣды исчезнувшихъ лѣсныхъ озеръ), семья наломаетъ столько грибовъ, что ихъ засолу хватить на цѣлую зиму. Это большое важное дѣло, о которомъ говорятъ съ такой же заботой и волненіемъ, какъ и о страдныхъ работахъ, добыть грибовъ, которые подкормятъ зимою.

Тамъ, по берегамъ Пинеги, гдѣ корабельные лѣса пересѣкаются наволоками (лугами), окруженныя высокими черными пряслами (на нихъ сушатъ снопы золотого ячменя) стоятъ задумчивыя села съ дивными церквами. Въ высокихъ домахъ просторно живетъ крестьянину съ большой семьей. Избы въ пять-шесть покоевъ не рѣдкость; всегда есть «гостинная горница» съ городской обстановкой, со множествомъ цвѣтовъ на окошкахъ.

И хозяинъ такой избы—не кулакъ, не мироѣдъ, а только здоровый работникъ. Было бы здоровье, а сѣверянинъ лѣсомъ, звѣремъ, да

рыбой всегда наживетъ денегъ и отъ излишка нарядить жонку и дочку въ узорчатые сарафаны, въ бархатный повойникъ или парчевую повязку. Любятъ и берегутъ тамъ старинные наряды, какъ и старинныя пѣсни, какъ и вѣковѣчные обряды.

Ну, рядомъ съ богатствомъ встрѣчаешь, конечно, и убогость—лютые морозы да вѣтры убиваютъ и хлѣбъ на корню и здоровье чело-вѣка—и тогда удивляешься терпѣнью, выносливости и той силѣ благочестія, которое всегда, словно радостный золотой вѣнчикъ, украшаетъ сѣверную «сиротину» (нищаго).

Въ этомъ сказочномъ краю, гдѣ крестьянинъ, никогда не знавшій крѣпостного ига, жилъ свободно, хранилъ и любилъ слово и украшалъ имъ свою жизнь, какъ скатнымъ жемчугомъ, должна была случиться сказка и она случилась.

Давнымъ давно, въ деревнѣ Усть-Ежуга, при впаденіи рѣки Ежуги въ Пинегу, стояла маленькая черная избушка. Въ ней семь голодныхъ ртовъ и одна только пара рабочихъ рукъ, да и то женскихъ. Это—мать, работница неустанная, а съ нею четверо ребятишекъ, да старая бабка, да огромный столѣтній дѣдъ.

Дѣдъ съ дѣтьми водился, растилъ ихъ вмѣсто таты. Мама оставитъ ребятишекъ въ избѣ, уйдетъ на работу, а дѣдъ, старый, таин-

ственный, притягательный, много видѣвшій, много слышавшій дѣдъ—съ ними. Имъ и любо. Дѣдъ въ молодости ходилъ по Зимнимъ Кедамъ, билъ морское звѣрье; оттуда вынесъ свои старины.

И ребятишки пристають:

— Дѣдушко! спой старину... Дѣдушко! спой былину!

Дѣдушко заповорачивается, запокашливать,— то скоро дѣдушко запоесть... Споеть былину про Илью про Муровича, длинную, длинную.

— Дѣдушко, спой коротеньку!

Споеть дѣдушко коротеньку, дѣти просятъ длинну. Ребятишекъ отколѣ ни возмись штукъ пятнадцать въ избу ужъ набилось; всѣ слушаютъ: распѣлся дѣдушка.

И «внялась» въ эти старины одна крошечная Машутка, все упомнила и пронесла сквозь скудную, тяжкую жизнь драгоценный свѣтильникъ поэзіи и донесла, уже старческими руками, до большого города, до молодой толпы, ей на улыбку и на радость.

А жизнь была скудная. Съ десяти лѣтъ пришлось побираться, ходить по кусочкамъ. Пришли годы: выдали Машу замужъ въ деревню Шотогорку. Для сиротины развѣ найдешь хорошаго жениха? Хоть и работница была Маша, а хозяйство все кривилось: мужъ пилъ, и на руку нечистъ былъ, и бродяжить любилъ.

А тутъ «зеленые года» ¹⁾ пришли; семь подъ рядъ. Пришлось Марьѣ на телѣгѣ ѣздить по деревнямъ, собирать. Дѣти умирали, мужа убили бродяги на дорогѣ, осталась одна дочь.

Дочь вышла замужъ въ деревню Вѣгоры тоже бѣдно; хотъ старалась опріютить мать, да откуда возьмешь, когда у самой ребятишки живутъ впроголодь.

И на старости лѣтъ, съ корзиной въ рукахъ, крошечная сморщенная Марьюшка бѣгаетъ по деревнямъ, собираетъ кусочки. Бѣлые, теплые внучатамъ снесетъ, черные высушить и сухарьки въ лавочку продастъ (тамъ ихъ для скота покупаютъ).

Ночуетъ, гдѣ Богъ приведетъ; добрымъ хозяевамъ и духовный стихъ споетъ и старину, гдѣ рады. А кто не попроситъ, такъ для нихъ, что и «горло драть по напрасну». Своя гордость есть.

Было одно событіе въ жизни: наѣзжалъ «Москвецъ» ²⁾, записалъ всѣ старины, на машину съ трубой голосъ снялъ. Пѣла ему съ радостью.

А потомъ еще пятнадцать лѣтъ мыкалась, нигдѣ не имѣя угла; даже у дочки заживаться не смѣла: не быть бы въ тягость. И такъ до 72 лѣтъ, до чуда, до счастливой встрѣчи.

Дочь не разъ говорила:

¹⁾ Голодные года, когда хлѣбъ еще зеленымъ, не успѣвъ зацвѣсти, убивается морозомъ.

²⁾ Собиратель былинъ А. Д. Григорьевъ.

— «Мама, да съѣзди ты въ городъ Пинегъ: тамъ хорошо подаютъ. Набрала бы,—намъ помогла».

— Я Пинега не знаю, не бывала. Лучше въ Архангельско поѣду. Тамъ знакомци есть. Хоть и дальше ѣхать, да ужъ знаю куда.

И собралась бабушка въ дальній путь изъ деревни Вѣгоры въ Архангельскъ. Забрала хлѣбца, сколько могла. Капитанъ знакомый даромъ посадилъ на пароходъ. Поѣхали внизъ по Пинегѣ.

А бабушку подстерегали горе и радость: надъ ея дочерью замахнулась уже смерть, а подъ городомъ Пинегой въ деревнѣ сидѣла съ карандашомъ и толстой тетрадю «Московка».

Задулъ вѣтеръ и загналъ пароходъ на мель. Два дня сидѣли на мели,—бабушка и пріѣла весь свой хлѣбъ.

Надо въ городѣ Пинегѣ выходить: не съ чѣмъ дальше ѣхать.

Вышла бабушка на берегъ. И впрямь хорошо подаютъ въ городѣ. «Пойду-ка въ сосѣдную деревню—въ Великій Дворъ».

День сѣрый, вѣтеръ дуетъ бабушкѣ въ спину, такъ и гонитъ ее къ новому домику, гдѣ сейчасъ произойдетъ неслыханная встрѣча съ «Московкой».

Ну, теперъ два слова о Московкѣ. И она была когда-то маленькой дѣвочкой, жила въ

большомъ городѣ, и у нея былъ сказочникъ: отецъ, по положенію офицеръ, по способностямъ математикъ, а по призванію—сказочникъ. Онъ своей младшей дѣвочкѣ рассказывалъ чудесныя сказки, а больше всего любилъ мечтать вслухъ, какъ они поѣдутъ на лошадахъ по всей Руси, куда глаза глядятъ. И такъ умѣлъ онъ описать сладость краткаго знакомства съ Анюткой, дочкой толстопузаго хозяина постоялаго двора, ночевку въ избѣ съ задумчивыми тараканами, такъ научилъ любить эту вѣчную безпутную дорогу, что и маленькая дѣвочка изъ всѣхъ сказочныхъ чудесъ больше всего полюбила тотъ сѣренькій клубочекъ, который катится невѣдомо куда и тянетъ своей тонкой ниточкой впередъ да впередъ.

И когда дѣвочка выросла, судьба послала ей прилежный клубочекъ. Онъ неустанно катился, сжигаемый волшебнымъ любопытствомъ, выбиралъ неожиданныя тропинки, благополучно докатывался до боярскихъ хоромъ, отдыхалъ, свертывался сѣренькій и снова развертывался, катился, сверкая блестящими нитями, къ крестьянскому порогу. И подкатился къ ногамъ нищенки.

Обѣ женщины зорко смотрѣли другъ на друга. Голодная нищенка подумала, не подастъ-ли «Московка» больше чѣмъ кусокъ хлѣба, а Московка подумала, не лежитъ-ли у нищенки

подъ корками хлѣба скатный жемчугъ. И оказалось полно лукошко.

Есть примѣта на Сѣверѣ: если съѣшь у нищаго отъ трехъ кусковъ, будетъ тебѣ счастье.

Старая нищенка, Марья Дмитріевна Кривополѣнова такъ сердечно угощала меня теплыми, только что поданными въ городѣ шанежками (шаньга—лепешка), что я незамѣтно для себя съѣла завѣтные три куска.

И вышло счастье. Для насъ обѣихъ.

Нельзя было не полюбить бабушки съ первой встрѣчи. А когда разсыпала она передъ нами свой старинный словесный жемчугъ, ясно увидѣли мы, что передъ нами настоящая артистка.

— Бабушка, поѣдемъ въ Москву?

— Поѣдемъ!

Храбрая, какъ артистъ. Односельчане руками всплескивали:

— Куда ты, бабка? Вѣдь помрешь!

— А невелико у бабушки и костье, найдется-ле гдѣ мѣсто его закопать!

И поѣхала бабушка со мной въ Москву. А въ Москвѣ не одной мнѣ, а многимъ тысячамъ показала, какая она артистка.

Маленькая, сухенькая, — а дыханье, какъ у заправскаго пѣвца!

Три зуба во рту,—а произношенье четкое на диво!

72 года, а огня, жизни—на зависть молодымъ!

И не поразили ее чудеса большого города. Трамваи, автомобили, магазины съ невиданными товарами—все это скользнуло, не задѣвъ души лѣсной бабушки. Но ея артистическая душа жадно впитала въ себя тотъ духъ старины, которымъ вѣетъ отъ Москвы для всякаго художника. Бабушка здѣсь въ Москвѣ получила оправданіе своимъ пѣснямъ, и по той огромной радости, съ которой она говорила объ этомъ, можно заключить, какъ дороги были ей ея пѣсни.

Подумайте: всю жизнь пѣла о Каменной Москвѣ, объ Иванѣ Грозномъ, о Марьѣ Дебряковнѣ, и все здѣсь нашлось:

— «Ужъ правда, каменная Москва: дома каменные, земля каменная...

«Ивана Грознаго своими глазами видѣла (т. е. портретъ), знаю ужъ, что не врака, а былъ-же, бывало»!

Ѣхать въ Замоскворѣчье—значить Ѣхать къ Скарлюткѣ (къ дому Малюты Скуратова); Каменный мостъ—сталъ «калиновымъ» мостомъ...

Но и сама Москва отвѣтила любовью на бабушкину радость. Всѣ, кто бывалъ на ея выступленіяхъ, помнятъ то умиленное восхищеніе, съ какимъ толпа смотрѣла на бабушку.

Въ Петроградѣ, гдѣ бабушка провела двѣ недѣли, былъ такой же пріемъ. Въ газетахъ о ней писались восторженныя, огромныя статьи.

Объ столицы обезпечили бабушкѣ старость, и бабушка уѣхала на родину, послѣ 3-хъ мѣсячнаго пребыванія здѣсь, осыпанная подарками, богатая и напоенная славой и радостью.

То, что бабушка называетъ однимъ словомъ «старіны», мы раздѣляемъ на три вида эпическихъ пѣсень: былины, историческія пѣсни и скоморошья.

Изъ былинь она больше всего любитъ самую длинную про «Илью Муровича и Калина царя».

Такъ какъ многіе слышали бабушку, восхищались ею и даже успѣли полюбить ее, то имъ, думается, пріятно будетъ прочитать или спѣть былинку такъ, чтобы исполненіе напомнило бабушку возможно живѣе; поэтому текстъ напечатанъ съ сохраненіемъ бабушкинаго произношенія.

Мѣстоименія и прилагательныя въ родительномъ падежѣ она произноситъ такъ, какъ мы пишемъ: молодого, его, а не молодова, ево, какъ произносимъ мы; когда слогъ начинается звукомъ *и*, она его произноситъ, какъ *йи*: у *йихъ*, *Йилья*. Но это въ текстѣ не обозначено.

Въ неударныхъ слогахъ у всѣхъ сѣверянъ *о* звучитъ, какъ *о*, но у бабушки произношеніе въ этомъ случаѣ ближе къ Московскому: она часто неударное *о* произноситъ, какъ *а*. Въ этихъ случаяхъ и напечатано *а*. Звукъ *и* у нея звучитъ очень мягко, похоже на *и*, большей частью ближе къ *ч*, а иногда ближе къ *ц*. Въ духовныхъ стихахъ, которые она выучила отъ матери, чаще звучитъ явное *и* вмѣсто *и*, въ старинахъ—рѣже. Возможно, что у дѣда было московское или близкое къ нему произношеніе, потому что произношеніе Марьи Дмитріевны Кривополѣновой замѣтно уклоняется отъ произношенія ея земляковъ въ сторону московскаго. Такіе случаи въ Архангельской губерніи не рѣдки.

У нея, какъ и у всѣхъ сѣверянъ, и въ пѣсняхъ, и въ рѣчи встрѣчается одна любопытная особенность, сохранившаяся отъ очень древняго времени,—приставки въ концѣ именъ существительныхъ (или замѣняющихъ послѣднія именъ прилагательныхъ, мѣстоименій, числительныхъ, причастій). Приставки эти какъ бы ближе опредѣляютъ предметъ, привлекая къ нему большее вниманіе. Сообразно роду и числу существительнаго, онѣ измѣняются: для мужского рода *отъ*, для женскаго—*та*, для средняго *то*, для множественнаго числа—*тъ*: царь-*отъ*, матушка-*та*, лапоньки-*тъ* бѣленьки. Изобиліе подобныхъ приставокъ особенно замѣтно въ «Кастрюкѣ».

Исполнители былинь называются сказителями, и это вѣрное названіе: нельзя бѣдный по музыкѣ мотивъ называть пѣсней, и въ то же самое время въ исполненіи былинь чрезвычайно важно умѣнье выразительно «сказывать».

Бабушка Кривополѣнова и плѣнила всѣхъ своимъ драматическимъ талантомъ: своей мимикой, своимъ искусствомъ мѣнять тембръ голоса въ зависимости отъ развитія дѣйствія въ содержаніи.

Часто пѣніе она прерываетъ своими собственными замѣчаніями или поясненіями, потому что вся она во власти своихъ образовъ, и отъ полноты переживанія ей мало былиннаго текста. Эти ея собственныя замѣчанія напечатаны курсивомъ въ скобкахъ.

.....

СОЛОВЕЙ ВУДЕМЕРОВИЧЪ И ЗАПАВА ПУТЕВИСЪНЯ.

Изъ-подъ вѣтерья ¹⁾ какъ кудрявого,
Изъ того орѣшва зеленого
Туть бѣжитъ, выбѣгаетъ тридцать насадовъ
А и три, и два, и единъ карапъ;
Туть и носъ-корма по змѣинному.
У прибѣгишша какъ ладейного,
У того присталишша карабельного
Опускали парусы полотнненны,
Ишша тѣ жа якори булатные;
Онѣ ходенки мечють коньци на́ берегъ.
А пришолъ кокъ туть младый Соловей,
Ишша младый Соловей Будемеровичъ.
А пришолъ какъ онъ зъ-за-Синя́ моря
Онъ Владимиру князю подарки берё:
Онъ вѣдь сорокъ сороковъ и черныхъ соболей.
Онъ кнегины Опраксѣи подарки берё:
Педесять аршинъ хрущатой камки;
Ишша въ золоти камо́цька не помнитсе ²⁾.
И не помнитсе, и не согнитсе.

1) Вѣроятнѣй: дѣревья.

2) Не помнѣтся.

А пошелъ какъ тутъ младый Соловей,
 Онъ пашолъ ка городу ко Нѣпрському.
 Онъ вѣдь будя въ городи во Нѣпрському;
 Онъ въ гриднѣ идѣ не съ упадкама,—
 Отпираѣ онъ двери на пету.
 Онъ идѣ въ гридню,—да Богу молитсе,
 Онъ Владимиру князю поклоняйтесь;
 Онъ Владимиру князю подарки дарить:
 Онъ вѣдь сорокъ сороковъ и черныхъ соболей;
 Онъ кнегины Опраксѣи подарки дарить,
 Педесять аршинъ хрущатой камки,
 А и въ золоти комоцька не помнетсе,
 И не помнитсе, и не согнитсе.
 Ишша князь комоцьку розвертывалъ,
 Ишша князь узоры высматривалъ:
 А хитры-мудры узоры заморскіе.
 Говорилъ какъ тутъ Володимѣръ князь:
 «Ужъ ты ой еси младый Соловей!
 «А и што тибѣ тако надобно?
 «Ишша надобно ле двory мои,
 «А двory мои все стоялые,
 «А стоялы двory мои, боярскіе?
 Говорилъ какъ тутъ младый Соловей,
 Ишша младый Соловей Будимировичъ,
 Гаварилъ какъ онъ таково слово:
 «А и не надобно мнѣ двory твои,
 «А и двory твои все стоялые,
 «А-й стоялы двory твои, боярскіе;
 «Ужъ ты дай минѣ загонъ земли
 «Ишша супративъ Запавьина вишенья».
 (*Што ли у ей што есть: садъ какой?..*)

Ишша тотъ жа какъ Владимѣръ князь
 Отдаеть какъ Соловью загонъ земли,
 Што ва той ва улицы Жироевлинской,
 Ишша супротивъ Запавина вишенья.
 Какъ у Соловья были плотницьки,
 Они шшолканы и прошшолканы:

(Таки были бойкіе).

Они къ утру, къ свѣту построились,
 Они пастроили тутъ какъ три терема,
 А три терема златоверховаты.

Ишша та Запава Путевисьня

А ставала по утру ранешенько,

Умываласе водой ключёвою,

Утиралась полотеньцемъ тоненькимъ.

А-й взглянула Запава въ свое вишеньё,

(Што нибудь сажено было, кто знаетъ!)

Ишша тутъ Запава здивоваласе:

«Ишша што така за диковинка?

«Ишша кто вновѣ построилса?

«И построиль тутъ какъ три терема,

«А три терема златоверховаты?

«Я пайду ко князю-ту спрашивать».

Ишша та Запава Путевисьня

А-й пошла ко князю вѣдь спрашивать:

А и въ гридню идё не съ упадками.—

Отпираётъ двери тутъ на пету;

А и въ гридню идё,—да Богу молитъце,

А Владимѣру князю поклоняйтсе:

«Ты Владимѣръ, князь стольнекиевской!

«Ишша што така за диковина?

«Ишша хто такой вново настроилса?»

Гавариль какъ тутъ Владимёръ князь:
 «Ужь ты ой еси, Завава Путевисьня!
 «А построился младый Соловей Будимеровичъ;
 «А пришолъ какъ онъ зъ-за синя моря,
 «Ишша онъ тутъ вново настроилса».
 Ишша та Завава Путевисьня
 Говорить она таково слово:
 «Ужь ты ой еси, ты Владимиръ князь!
 «Я пайду къ нему насватываться;
 «Не возьметъ ле онъ въ-за собя замужь»?
 Какъ та Завава Путевисьня
 А пошла ко Соловью навязываться.
 По первой теремъ припала, послушала:
 Тутъ шолчать-молчать, ничего не говорятъ;
 Ишша тутъ Завава догадаласе:
 «Ишша тутъ у Соловья казна стоитъ».
 По второй теремъ припала, послушала:
 Тутъ шолчать-молчать, ничего не говорятъ;
 Ишша тутъ Завава догадаласе:
 «Тутъ живетъ Соловьева тутъ матушка,
 «Ишша молитця за Соловья здоровице».
 По третей теремъ припала, послушала:
 Тутъ пѣсни поють и гудки гуднуть;
 Ишша тутъ Завава догадаласе:
 «А-й сѣдитъ какъ тутъ младый Соловей
 «А и младый Соловей Будимеровичъ».
 «А сидитъ на стулѣ ременьчатомъ,
 «А играть во гусли во звоньчяты».
 А въ гридню идетъ не съ упадками,—
 Отпираетъ двери тутъ на пету;
 А въ гридню идетъ,—Богу не молитсье.

Гаварилъ какъ тутъ младый Соловей:
 Ужъ ты ой еси, Запава Путевисьня!
 «Ишша што ты, Запава, нынь крѣтня взяла,
 «А крѣтня взяла неизумѣлая»?

(Безумничала, вишь ты, говорить...)

Гаварить Запава Путевисьня:

«А меня Запаву не крѣтня взяла,
 «Не крѣтня взяла неизумѣлая,—
 «Я пришла къ тебѣ вѣдь насватываться;
 «Не возьмешь ле ты за себя замужъ»?

Гаварить какъ тутъ младый Соловей:

«Ужъ ты дай ты строку на малой чясь
 «Мнѣ сходить къ государыни ка матушки,
 «Попросить у ей благословеньиця».

Онъ пошелъ вѣдь тутъ младый Соловей,

А пошелъ вѣдь онъ къ своей матинки,

Онъ вѣдь падать матушки въ рѣзвыя ногы.

«Ужъ ты гой, государыня матушка!

«Бласлови ты миня нынь жонитисе

«А на той Запавы Путевисьны:

«Ишша нынь Запава сама пришла».

Гаварить вѣдь тутъ Соловьѣва матушка:

«Тибя Богъ бласловить чядо милоѣ,

«А тобѣ на Запавѣ жонитисе».

А пошелъ какъ тутъ млада Соловей,

А пошелъ къ Запавы Путевисьни.

Они сватались, тутъ сосватались,

По рукамъ они тутъ ударились,

Слово на слово вѣдь положили;

Они клали заповѣдь крѣпкую,

Они клали заповѣдь на три года вѣдь,

А сходить вѣдь Соловью за синё море.
 Наставляли пѣрусы полѣтняны,
 Направляли якори булатные;
 Отправлялся тутъ младый Соловей,
 Отправлялся онъ за синё морё..
 Ему далъ Богъ повѣтеръ попутную.
 Какъ ва ту пару, во то времечко
 Изъ-водъ вѣтерья какъ кудрявого,
 Изъ того орѣшва зеленого
 А бѣжитъ прибѣгищо лодейноё,
 А лодейное карабельнѣё:
 А се три, се два, се единъ карапъ.
 У прибѣгища какъ лодейного,
 У того присталища карабельного
 Опускали пѣрусы полотнены
 Опускали якори булатные,
 Они ходенки мечють коньци на берегъ.
 А пришолъ какъ тутъ ишша шшапъ молодой,
 Ишша шшапъ маладой и Давыдъ Поповъ.
 Онъ Владимеру князю подарки берё:
 Онъ вѣдь сорокъ сороковъ и черныхъ соболей;
 Онъ кнегины Опраксѣи подарки берё:
 Педдесятъ аршынъ хрущатой камкѣ
 Ишша въ золоти камоцька не помнетьсе,
 И не помнетьсе, и не согнитьсе.
 А-й пошѣлъ какъ тутъ ишша шшапъ молодой,
 Ишша шшапъ малодой и Давыдъ Поповъ;
 И пошелъ ко городу ко Нѣпрському,
 А и будя во городи во Нѣпрськомъ;
 Онъ въ гридню идё не съ упадками,—
 Отпираётъ онъ двери на пету.

Онъ въ гридню идетъ,—Богу молитесь,
 Онъ Владимиру князю поклоняйтесь;
 Онъ Владимиру князю подарки дарить,
 Онъ вѣдь сорокъ сороковъ и черныхъ соболей;
 Онъ кнегины Опраксѣи подарки дарить,
 Педдесятъ аршинъ хрущатой камки.
 Ишша кнезь камоцьку развертываль;
 Ишша князь узоры высматриваль:
 А хитры-мудры узоры заморскіе,
 Ишша въ золоти камоцька не помнетсе,
 И не помнетсе и не согнетсе.
 Гавариль какъ тутъ Владимѣръ князь:
 «Ужъ ты ой еси, ишша шшапъ молодой,
 «Ишша шшапъ молодой и Давыдъ Поповъ!
 «А и што тибѣ да такó надобно?
 «Ишша надобно ле двory мои
 «А-й двory мои ле боярскіе?»
 Гавариль какъ тутъ ишша шшапъ маладой!
 «Ишша надо мнѣ и двory твои,
 «А и двory твои все стоялые,
 «А-й стоялы двory твои все боярскіе».
 Гавариль вѣдь тутъ ишша шшапъ маладой:
 «Я пайду топеръ къ Соловьевой матушки,
 «Я скажу вѣдь ей какъ про Соловья.
 «Ишша нынъ вѣдь Соловья живаго нѣтъ:
 «Розметало по морю по синему,
 (*Ишь какой враль!*)
 «По тому жа по полю по чистому;
 «Мы вѣдь другъ друга не спóзнали».
 Какъ пашёлъ вѣдь тутъ шшапъ маладой,

Онъ пашель вѣдь тутъ къ Соловьёвой матушки
(*Врать пошель!*)

Ишша сказывать ей про Соловья:

«Ужъ ты зрасвуёшь, Соловьева матушка!

«Я пришлоль сказать тобѣ про Соловья.

«Ишша нынь вѣдь Соловья живаго нѣтъ:

«Розметало по морю по синему,

«По тому жа по полю по чистому;

«Мы вѣдь другъ друга не спознали».

Ишша та тутъ Соловьева тутъ матушка

А-й пошла вѣдь къ Запавы отказываться:

«Ужъ ты гой еси, Запава Путевисьня!

«Ишшо нынь, Запава, тѣ свой воля,

«Тѣ своя воля: куды хошь поди;

«Ишша нынь вѣдь Соловья живаго нѣтъ:

«Розметало по морю по синему,

«По таму жа по полю по чистому».

А пришелъ вѣдь нынче и шшапъ молодой,

Ишша шшапъ маладой и Давыдъ Поповъ;

Онъ вѣдь сталъ на Запавы тутъ свататься.

Они сватались, тутъ сосватались,

По рукамъ они тутъ ударились.

А Владимѣръ князь у ихъ тысяцкимъ,

А кнегина Опраксѣя матушкой.

Повелась у ихъ тутъ вѣдь свадьба.

Изъ-подъ вѣтерья какъ кудрявого,

Изъ того орѣшва зеленого

А бѣжить, выбѣгаетъ тридцать насадовъ:

А и три, и два, и единъ карапъ.

У того присталища карабельного

Опускали парусы полѣтнены,

Опускали якори булатные,
 Они ходенки мечють коньци на берегъ,
 А пришолъ какъ тутъ младый Соловей
 А и младый Соловей Будимировичъ.
 Онъ пашолъ ко городу ко Нѣпрському.
 Онъ вѣдь будя въ городи во Нѣпрськомъ:
 Онъ идетъ въ гридню не съ упадками,—
 Отпираетъ двери онъ на пету;
 Онъ въ гридню идетъ,—да Богу молитъсе,
 А корминици матенки поклоняйтъсе:
 «Ужъ ты зрасвуёшь, родна матушка!»—
 — Ужъ ты зрасвуёшь, млады Соловей
 — А и младый Соловей Будимировичъ!
 — А пришолъ какъ нынь зъ-за синя моря,
 — А пришолъ какъ нынь ишша шшапъ маладой;
 — А сказалъ про Соловья: «живаго нѣтъ:
 — Розметало по морю по синему,
 — По тому жа по полю по чистому».
 — Я хадила къ Запавы отказыватъсе:
 — «Нынь тебѣ, Запава, своя воля
 — А-й своя воля: куды хошь, поди».
 — А и шшапъ молодой и Давыдъ Поповъ
 — Онъ вѣдь сталъ на ей тутъ вѣдь свататъсе;
 — Они сватались, тутъ вѣдь сосватались,
 — По рукамъ они тутъ ударились;
 — А Владимиръ князь у ихъ тысяцкимъ,
 — А кнегина Опраксѣя матушкой;
 — А ведетьсе у ихъ нынь вѣдь свадѣбка.—
 Гаваритъ какъ тутъ младый Соловей,
 «Ужъ ты ой, государыня матушка!
 «Я пойду къ имъ вѣдь на свадѣбку».

А пашель какъ тутъ младый Соловей,
 А-й пашель вѣдь къ нимъ на свадѣбку.
 Онъ въ гридню идетъ не съ упадками, —
 Отпирае двери онъ на пету;
 А въ гридню идё, — Богу молитесь,
 А Владимиру князю поклоняйтесь,
 Поклоняйтесь со кнегиною;
 А ишша самъ говорилъ таково слово;
 «Ужъ ты ой еси, ишша шшапъ маладой!
 «Ты зачѣмъ омманывашъ мою матушку,
 «Ты зачѣмъ берешъ мою обрушъницу?»
 Его за руку хватилъ, дакъ выхватилъ;
 На долонь посадилъ, другой росхлопнулъ.
*(Этакой боготыришшо! Сохрани его Богъ! Его
 и судить никто не можетъ).*
 Онъ вѣдь бралъ Запáву за бѣлы руки,
 А поѣхали они ко Божьей церквѣ.
 А Владимёръ князь у ихъ тысяцкимъ,
 А кнегина Опраксѣя матушкой.
 Повелась у нихъ тутъ свадѣбка.

.....

ИЛЬЯ МУРОВИЧЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

Што изъ далечя да изъ чистá поля,
Изъ того роздолья широкого,
Тутъ не грузна тучя подымаласе,
Тугъ не оболоко накаталосе,
Тутъ не оболоко обкаталосе,—
Подымался собака злодѣй Калинъ царь,
За имъ сорокъ царей, сорокъ царевичей,
За имъ сорокъ королей, королевичей,
За имъ силы мелкой числу-смѣту нѣтъ.
Какъ по-руському на сороки верстахъ
Тутъ и Кіевъ градъ знаменуется,
А и церькви соборны оказываютсе.
Становиль собака тутъ бѣль шатерьъ.
У его шатра золоченой верхъ.
Онъ садился на стуль на рименьчятой,
А писалъ ерлыкъ, скоро написывалъ,
Онъ скорѣй того запечятывалъ,
Отдаетъ паслу немилостливу
А-й тому Борису королевичю:
«Ужъ ты ой еси, Борисъ, королевичъ сынъ!
«Ужъ ты будешъ въ городи въ Кіеви
«У великого княза у Владимера,—
«Не давай ты строку на малой чясъ».

Ишо тутъ Борисъ, королевичъ сынъ,
 Онъ беретъ ерлыкъ, во корманъ кладетъ,
 Онъ вѣдь скоро скачѣтъ на добра коня,
 Онъ вѣдь ѣдетъ къ городу Киеву,
 Ко великому князю, ко Владимиру.
 Становилъ коня къ дубову столбу,
 Онъ везалъ коня къ золоту кольцу.
 Онъ въ гридню идетъ не съ упадками,—
 Отпираетъ двери онъ на пету;
 Онъ въ гридню идетъ,—Богу не молитъсе;
 Черезъ столъ скочилъ, самъ во мѣсто сѣлъ.
 Онъ выматъ ерлыкъ, на столъ кладетъ,
 Ишша самъ говоритъ таково слово:
 «Ты Владимѣръ, князь стольникіевской!
 «Ты бери ерлыкъ, распичятавай,
 «Ты скорѣ того прочитывай;
 «Ты миня посла не задерживай».
 Какъ Владимиръ, князь стольнекіевской,
 Онъ беретъ ерлыкъ во свой руки,
 Отдаетъ Добрынюшки Микитичю.
 Говорилъ Добрынюшка Микитичъ сынъ:
 «Я не знаю грамоты латынской,
 «Ты отдай Олеши Поповичю».
 Отдаютъ Олеши Поповичю.
(У того было мозгу въ головы, дакъ...)
 Какъ Алешичъка и Поповицъ сынъ,
 Онъ вѣдь скоро ерлыкъ распичатывалъ,
 Онъ скорѣ того прочитывалъ.
 Онъ скорѣе того же прочитывалъ.
 Говорилъ какъ онъ таково слово:
 «Ты Владимѣръ, князь стольникіевской!

«Хорошо въ ерлычьки написано
 «А написано со угрозою,
 «А су той угрозой великою:
 «Какъ стоитъ собака царь среди поля;
 «За имъ сорокъ царей, сорокъ царевичей,
 «За имъ сорокъ королей, королевичей,
 «За имъ силы мелкой числу-смѣту нѣтъ.
 «Какъ по руському на сороки верстахъ
 «Онъ вѣдь просить города Кіева
 «Безъ бою, безъ драки, безъ сѣченья,
 (*Какъ нынѣшній ерманецъ*).
 «Безъ того кроволитья великого».
 Запечалилса нашъ Влодимеръ князь,
 Запечалилса-закручинилса;
 Онъ повѣсилъ буйную голову
 А на ту на правую сторону,
 Потупилъ онъ очи въ мать сыру землю.
 Какъ во ту пору, въ то времечко
 Выходилъ какъ старъ казакъ Илья Муровичъ;
 Говорилъ какъ онъ таково слово:
 «Ты Влодимеръ стольнекіевьской!
 «Ты бери свои золоты ключи,
 «Отмыкай-ко погребы глубоки-жа;
 «Ты насыпь ралечь нисту золота, ¹⁾
 «Ты второй насыпь чиста сѣребра,
 «Ты третей ларець скатна земчюга;
 «Ты дари-ко Бориса королевичя,
 «Ты проси-ко строку на три мѣсяця,
 «Штобы всѣмъ во городи покаяться,

¹⁾ «Ларець чисту золота». Очевидно, бабушка заучивала въ дѣтствѣ еще именно такъ.

«Намъ покайтесь да исповѣдаться».
 Ишша тутъ жа какъ Владимѣръ князь
 Онъ беретъ свои золоты ключи,
 Отмыкаё погребы глубоки жа;
 Онъ насыпалъ ралечь нисту золота,
 Онъ второй насыпалъ чиста серебра,
 Онъ третей насыпалъ скатна земьчюга,
 А дарить Бориса королевичя,
 А просилъ вѣдь строку на три мѣсяця,
 Штобы всѣмъ во городи покаяться,
 Намъ покайтесь да исповѣдаться.
 Ишша тутъ Борисъ, королевичъ сынъ,
 Не даетъ вѣдь строку на три мѣсеця;
 Онъ даетъ вѣдь строку только на три дня.
 (*Все-жь таки даль!*)
 Спроважали Бориса королевичя,
 Спроважали кнезя и бѣяра;
 А во ту пору, во то времечко
 Запечялилса нашъ Владимѣръ князь,
 Запечялилса-закручинилса:
 Онъ повѣсилъ буйную голову
 Што на ту на праву сторону,
 Потупилъ онъ очи въ мать сыру землю.
 Какъ во ту пору, во то времечко
 Выходилъ какъ старъ казакъ Илья Муровичъ,
 Выходилъ на середу кирпичнею;
 Онъ вѣдь молитьсе Спасу Пречистому,
 Онъ вѣдь Божьей Матери, Богородици.
 Онъ пошелъ Илья на конюшонъ дворъ;
 Онъ беретъ своёго добра коня;
 Онъ накладывать уздицю тасмянную;

Онъ уздать во уздилиця булатные;
 Онъ накладывалъ тутъ вѣдь войлучёкъ,
 Онъ на войлучёкъ сѣделышко;
 Подпрягалъ двѣнадцать подпруженёкъ,
 А ишша двѣ подпружки подпрягаючи
 А не ради басы, 1) ради крѣпости,
 А не шшибъ бы богатыря доброй конь,
 А не шшибъ бы богатыря въ чистомъ поли.
 Онъ вѣдь скоро скачѣтъ на добра коня;
 У воротъ приворотниковъ не спрашивалъ,—
 А махалъ черезъ стѣну городовую,
 А и ѣхалъ онъ день до вечера,
 А и темну ночь до бѣла свѣту.
 Приѣзжаетъ онъ ко меньшей рѣки,
 Ко меньшей рѣки, ко синю морю;
 Онъ нашелъ тутъ тридцать три богатыря.
 Овъ съ добра коня слѣзываютъ,
 Онъ низкѣй поклонъ имъ воздаваючи:
 «Ужъ вы здрастуйте, дѣньски казаки!»
 — Ужъ ты зрасвуѣшъ, нашъ вѣдь батюшкѣ,
 — Ужъ ты старъ казакъ да Илья Муровичъ!
 — Ты давно ли изъ города Кіева?
 — Але все ли у насъ тамъ по старому,
 — А и все ли у насъ тамъ по ирежнему?—
 Говорить какъ тутъ да Илья Муровичъ:
 «Ужъ вы ой еси, дѣньски казаки!
 «И во городи у насъ, во Кіевѣ
 «Не по старому, не по ирежнему;
 Какъ стоитъ царь собака среди поля;

1) Красоты.

«За имъ сорокъ царей, сорокъ царевичей,

«За имъ сорокъ королей, королевичей,

«За имъ силы мелкой числу-смѣту нѣтъ.

«Какъ по-руському на сороки верстахъ

«Онъ вѣдь проситъ города Кіева

«Безъ бою, безъ драки, безъ сѣченья,

«Безъ того кровопролитья великого».

Говорилъ какъ тутъ да Илья Муровичъ:

«Ужъ вы ой еси, доньски казаки!

«Ужъ вы будите стоять ле за Кіевъ градъ,

«Вы за тѣ за церкви соборные,

«Вы за тѣ манастыри церьковные,

«За того за князя, за Владимира?»

Говорятъ какъ тутъ доньски казаки:

— Ужъ ты батюшко нашъ, старъ казакъ!

— Ишша какъ не стоять намъ за Кіевъ градъ,

— Намъ за тѣ за церкви соборные,

— Намъ за тѣ манастыри церьковные,

За того за князя за Владимира?—

Они скоро скачють на добрыхъ коней

И поѣхали къ городу къ Кіеву,

Ко великому князю ко Владимиру,

И поѣхало тридцеть три богатыря,—

Затресласе матушка сыра земля.

Они будутъ въ городи въ Кіеви,

У великого князя у Владимира.

Зрадовался тутъ Владимиръ-отъ

Онъ на радошсахъ имъ и пиръ средилъ,

Онъ и пиръ средилъ, пировати сталъ.

Ишше всѣ на пиру напивалисе,

Они всѣ на чесномъ наѣдалисе.

Какъ одинъ на пиру не упиваитсе
 А и старъ казакъ да Илья Мúровичъ;
 Ишша самъ говорилъ таково слово:
 «Ужъ вы ой еси, доньски казаки!
 «Нынъ приходитъ времечко строчнёе.
 «А кому у насъ нынче ѣхати
 «На ту ли силу невѣрную?»
 Говорятъ какъ доньски казаки:
 «Ужъ ты батюшко нашъ, старъ казакъ!
 «Ты останьсе въ Кіеви въ городи
 «Стерекчи-сберекчи кнезя Владимира».
 Гаварилъ какъ тутъ да Илья Муровичъ:
 «Тутъ не честь-хвала молодецькая,
 «Ой не услуга богатырская—
 «Какъ Илейки въ Кіеви остатисе,
 «Будутъ малы робята всѣ смѣятисе».
 Ишша тутъ Илья поѣжжаётъ жа
 А на ту на силу невѣрную.
 Онъ беретъ съ собою только товаришша,
 Онъ берётъ Добрынюшку Микитичя;
 И беретъ вѣдь второго товаришша,
 Онъ Торопъ-слугу да мала паруха;
 Онъ тройма тутъ поѣжжаётъ вѣдь
 Онъ на ту на силу невѣрную.
 А выходятъ на середу кирпичнею
 Они молятся Спасу Пречистому,
 Они Божьей Матери, Богородици;
 Они скоро скачють на добрыхъ коней,
 У воротъ приворотниковъ не спрашивали,—
 Они машутъ черезъ стѣну городовую.
 Они ѣдутъ какъ по чисту полю,—

Во чистомъ поли курева стоятъ,
 Въ куревы богатырей не видѣти.
 Выѣжжаютъ на поле чистое
 А на ту на силу невѣрную.
 Ишша тутъ два братьця испужалисе,
 Испужалисе-устрашилисе
 Они той вѣдь силы невѣрною;
 Говорятъ они таково слово:
 «Ужъ ты батюшко нашъ, старъ казакъ!
 «Ты поставь этта намъ бѣль шатѣръ,
 «Дай ты намъ опочинъ дѣржать».
 Какъ поставилъ Илья тутъ имъ бѣль шатѣръ,
 Ишша далъ вѣдь имъ опочинъ дѣржать;
 Самъ онъ тутъ имъ вѣдь наказывалъ
 А наказывалъ наговаривалъ:
 «Ой еси, вы два братця родимые!
 «Ужъ вы ой еси, доньски казаки!
 «Какъ Елейки худо будѣ можитьсе,—
 «Натену я стрѣлоцьку каленую
 «Я спущу этта вамъ во бѣль шатѣръ;
 «Ужъ вы гоните тогды во всю голову,
 «Вы рубите старого и малого».
 Ишша самъ Илья думу думаѣтъ:
 Онъ не знаетъ, котору да ѣхати;
 Онъ поѣхалъ силой середкою;
 Поворотитсе,—дакъ переулками.
 Онъ вѣдь день рубился до вечера,
 Онъ и темну ночь до бѣла свѣту,
 Не пиваючи, не ѣдаючи,
 А добру коню отдѣху не даваючи.
 Какъ Илейки стало худо можитьсе;

Натенуль онъ стрѣлочку каленую,
 Онъ спустиль богатырямъ во бѣль шатерьъ.
 Ишша тутъ богатыри ото сну скочили,
 Они скоро скачють на добрыхъ коней,
 Они гонятъ тутъ во всю голову,
 Они рубятъ стараго и малого.
 Они день рублились до вечера,
 Они темну ночь до бѣла свѣту,
 Не пиваючи, не ѣдаючи,
 А добрымъ конямъ отдоху не даваючи;
 А прибили всѣхъ до одинаго.
 Ишша тутъ два братця не натѣшились,
 Не натѣшились приросхвастались.
 А одинъ говорилъ таково слово:
 «А было-бъ въ матушки, въ сырой земли,
 «А было бы въ ей золото кольцѣ,—
 Поворотилъ бы матушку сыру землю».
 А другой говорилъ таково слово:
 «А была бы на небо листвица, ¹⁾
 «Я прибилъ бы тамъ до единого».
 По грѣхамъ по ихъ такъ вѣдь сдѣлалось:
 А который сѣченъ былъ на двое,
 А возстало тутъ два тотарина;
 А которой сѣченъ былъ на трое,
 И возстало тутъ три тотарина.
 Гаворитъ какъ тутъ да Илья Муровичъ:
 «Ужъ вы гой еси, два братѣлка!
 «По грѣхамъ по нашимъ такъ сдѣлалось».
 Они поѣхали силой, середкой;

¹⁾ Лѣстница.

Поворотятсе,—дакъ переулками.
 Они бились день да до вечера,
 Они тѣмну ночь до бѣла свѣту,
 Не пиваючи, не ѣдаючи,
 А добрымъ конямъ отдѣху не даваючи;
 И прибили всѣхъ до единого.
 Ишшо тутъ два братця гдѣ дѣвалисье,
 Я не знай, куда подѣвалисье.

(За похвасны слова скрозь землю прошли).

А одинъ Илья оставайтесье.

Онъ поѣхалъ къ городу къ Киѣву
 Ко великому князю ко Владимиру.

(Дальше не поетця, а говоритця. Дѣдушко такъ)...

Становилъ коня къ дубову столбу,

Онъ везалъ коня къ золоту кольцю.

Онъ въ gridsню идетъ не съ упадками,—

Отпирае двери онъ на пету;

Онъ вѣдь молитъсе Спасу Пречистому,

Онъ вѣдь Божьей Матери, Богородици;

Онъ Владимиру князю поклоняйтсе:

«Ты Владимѣръ князь стольникіевской!

«Ишша то вѣдь дѣло у насъ сдѣлано,

«Ишша та роботушка сроблена.

«Только не знать, гдѣ два братця дѣвалисье

«И не знать, куда потерялисье.

«Какъ перва они да испужалисье;

«А потомъ они не натѣшились,

«Не натѣшились, приросхвастались.

«А одинъ говорилъ таково слово:

«—А было бы въ матушки въ сырой земли,

«—А было бы въ ей золото кольцо,—

«— Поворотилъ бы матушку сыру землю,
 «— Я прибилъ бы тамъ до единого».—
 «А другой говорилъ таково слово:
 «— А было бы на небо листвеця,—
 «— Я прибилъ бы тамъ до единого.—
 «По грѣхамъ по нашимъ такъ сдѣбалось:
 «А которой сѣчень былъ на двое,
 «А востало тутъ два тотарина;
 «А которой сѣчень былъ на трое,
 «А востало тутъ три татарина».
 Говоритъ какъ тутъ Владимѣръ князь:
 «Ишша нѣтъ какъ ихъ,—дакъ не искать же стать».
 Онъ на радошсахъ тутъ и пиръ средилъ,
 Онъ и пиръ средилъ, пировати сталъ.

.....

ИЛЬЯ МУРОВИЧЪ И ЧУДИЩЕ.

Было у насъ во Царѣ-градѣ
Наѣхало проклятоѣ чюдишшо.
Да самъ вѣдь какъ онъ семи харшынъ,
Галова у его да какъ пивной котель,
А нѣжишша какъ-быть лыжишша,
Да рѣчишша да какъ-быть граблишша,
Да глазишша да какъ-быть чашишша.
У царя Костянтина Атаульевича
Сковали у его да ноги рѣзвые
Тѣма жа залѣзами нѣмецкимá,
А свезали его да руки бѣлые
Тѣма же опутьеми шолковыма,
Кнегину Опраксѣю въ палонъ взяли.
Во ту-то пору да во то времечко
Перепáхнула вѣска за рѣку Москву,
Во тотъ же какъ вѣдь Кіѣвъ градъ
Къ тому же вѣдь да къ Ильи Муровичю:
«Да ой еси ты, Илья Муровичъ!
«Ужъ ты знаѣшь ле, про то вѣдаѣшь?
«Помѣркло у насъ да соньцо красное
«Потухла звѣзда да поднебесная:

«И нынче у насъ во Царѣ-градѣ
 «Наѣхало проклятое чудишшо;
 «А самъ какъ онъ изъ семи наршынъ,
 «Голова его да какъ пивной котель,
 «А ножишша какъ-быть лыжишша,
 «А ручишша какъ-быть граблишша;
 «А глазишша какъ-быть чашишша.
 «У царя Костянтина Атаульевича
 «Сковали у его да ноги рѣзвы же
 «Тѣма же залѣзами нѣмецкими,
 «Свезали его руки бѣлые
 «Тѣма же опутьями шолковыма,
 «Кнегину Опраксѣю въ полонъ взяли».

Да тутъ же вѣдь да Илья Муровичъ
 Надѣваётъ онъ тутъ платьѣ цвѣтное
 Выходитъ на середу кирпичнею
 Молитьсе Спасу Пречистому.
 Да Божьей Матери, Богородици.
 Пошелъ Илья на конюшонъ дворъ
 И беретъ какъ своего добра коня,
 Добра коня со семи цѣпей;
 Накладывать уздицю тасмянною,
 Уздать во уздилиця булатные,
 Накладывать тутъ вѣдь войлучекъ,
 На войлучекъ онъ сѣделышко;
 Подпрегалъ онъ двѣнадцать подпруженѣкъ,
 Ишша двѣ подпружки подпрягаются
 Не ради басы, да ради крѣпости,
 Не шшибъ бы богатыря доброй конь,
 Не оставилъ бы богатыря въ чистомъ поли.
 Да скоро онъ скачѣтъ на добра коня;

У воротъ приворотниковъ не спрашивалъ,—
 (Они думали, поѣдетъ воротами)
 Да онъ машотъ черезъ стѣну городову жа.
 Ъдѣтъ онъ по чисту полю,—
 Во чистомъ-то поли да куревá стоятъ,
 Въ куревы-то богатыря не видѣти.
 Да ѣхалъ онъ день до вечера,
 А темну-то ночь до бѣла свѣту,
 Не пиваючи онъ, да не ѣдаючи,
 Добру коню отдóху не даваючи.
 Конь-отъ подъ имъ какъ потпинауться сталъ.
 Бьетъ онъ коня и по тучнымъ ребрамъ:
 «А волчья сыть ¹⁾, травяной мѣшокъ!
 «А што тако подпинаисье,
 «Надо мной надъ богатырёмъ надсмѣхаисье?»
 А конь скочилъ,— за рѣку перескочилъ.
 А прошло три дороги широкихъ—е
 А не знать Илья, да куда ѣхати.
 А во ту пору, во то времечко
 Идетъ какъ калика да перехожая,
 Перехожа калика безымянная.
 Говоритъ какъ тутъ да Илья Муровичъ:
 «Ужъ ты здравсвуёшь, калика перехожая,
 «Перехожа калика безымянная!
 «А гдѣ ты былъ да ты куда пошѣлъ?»
 Отвѣчаетъ калика да перехожая,
 Перехожа калика да безымянная:
 — Я иду вѣдь тутъ изъ Царя-града,
 Я пошѣлъ вѣдь тутъ во Кіёвъ градъ.—

1) То, что насыщаетъ волка.

Говорилъ какъ тутъ да Илья Муровичъ:

«Ужъ ты ой еси, калика перехожая,

«Перехожа калика безымянная!

«А што у васъ да во Царѣ-гради?

«Ишша всё ле у васъ тамъ по старому,

«Ишша все ле у васъ тамъ по прежному?»

Говорить какъ калика перехожая,

Перехожа калика безымянная:

«Ужъ ты ой еси, да Илья Муровичъ!

«А у насъ вѣдь нынѣ во Царѣ-гради

«Не по старому, не по прежному.

«А потухло у насъ соньцѣ красное,

«А помёркла звѣзда поднебесная:

«Какъ наѣхало проклятое чюдишшо;

«Ишша самъ какъ онъ семи аршинъ,

«Голова его какъ пивной котёлъ,

«А и ножишша, какъ-быть лыжишша,

«А и ручишша, какъ-быть граблишша,

«А и глазишша какъ-быть чяшишша.

«У царя Костянтина Атаульевича

«Ишша скованы ноги рѣзвые

«А тѣма жа залѣзами нѣмецкими,

«Ишша связаны руки бѣлые

«А-й тѣма опутьями шолковыма».

Говорить какъ тутъ Илья Муровичъ:

«Ужъ ты ой еси, калика перехожая,

«Перехожа калика безымянная!

«Ишша платьемъ съ тобой мы поминямысе:

«Ты возьми у мя платье богатырское»,

«А отдай минѣ платье калицькое».

Говорить какъ калика перехожая:

«Я бы нѣ взялъ платья богатырьскаго,
 «Я бы не отдалъ платья калицького,
 «А едно у насъ солнышко на́ неби,
 «А единъ у насъ могуть богатырь
 «А старó казакъ да Илья Муровичъ;
 «А съ тобой съ Ильей дакъ и слова нѣтъ».

Они платьёмъ тутъ да поминалися.
 Ишше тутъ же вѣдь Илья Муровичъ
 Онъ вѣдь скинулъ платьё богатырское,
 А одѣлъ собѣ платьё калицькое
 И оставилъ калики добра коня.
 Онъ вѣдь самъ пошелъ тутъ каликою;
 Ишша ключькой ¹⁾ идё потпирайтесь,—
 Ишша ключька подъ имъ изгибайтесь:
 Говорить тутъ Илья Муровичъ:
 «Не по мнѣ ета ключька и кована,
 «Ишша мало залѣза ей складено;
 «Ишша сорокъ пудъ во единой фунтъ».
 (*Не худой видно самъ былъ*).

А идетъ какъ калика да по Царю-граду;
 А скрыцалъ какъ онъ да по калицькому,
 Засвистѣлъ какъ онъ по богатырьскаму,—
 А проклятоё тутъ чюдишшо
 Оно чуть сидитъ на лавици.
 А та же калика перехожая,
 А идетъ вѣдь къ чюдишшу въ свѣтлú гриднó.
 Онъ вѣдь молитъсе Спасу Пречистому,
 Онъ вѣдь Божьей Матери, Богородици.
 А сидитъ проклятоё чюдишшо,

¹⁾ Часто пѣла бабушка вмѣсто «ключькой»—«троской».

А сидить оно вѣдь на лавици;
 Ишша самъ какъ онъ семи аршинъ,
 Голова его какъ пивной котель,
 Ишша ножишша, какъ-быть лыжишша,
 Ишша ручишша, какъ-быть граблишша,
 Ишша глазишша, какъ-быть чашишша.
 Говорить какъ проклятое чудишшо:
 «Ужъ ты ой еси, калика перехожая!
 «Ужъ ты гдѣ ты былъ, куды ходилъ?»
 — Ужъ я былъ во городи во Кієви
 — У стара казака да Ильи Муровича.
 Говорить какъ тутъ вѣдь ишше чудишшо:
 «А каковъ у васъ и могутъ богатырь,
 «Ишша старъ казакъ да Илья Муровичъ?»
 Говорить калика перехожая,
 Перехожа калика безымянная:
 «А таковъ у насъ могутъ богатырь,
 «Ишша старъ казакъ да Илья Муровичъ:
 «А въ одинъ мы день съ имъ родилисе,
 «А въ одной мы школы грамоты училисе,
 «А и ростомъ онъ такой, какъ я.»
 Говорить проклятоё чудишшо:
 «Ишша много ле онъ хлѣба къ выти ¹⁾ съѣсъ?»
 Говорить калика перехожая:
 «Отъ ковриги краюшецку отрушаётъ,
 «А и той краюшкой троё сутки живеть.»
 Говорить проклятое чудишшо:
 «По сторублевому быку да я вѣдь къ выти ѣмъ!»
 Говорить какъ калика перехожая,

1) За разъ.

Перехожа калика да безымянная;
 — «У насъ, у попа была коровушка обжориста
 «Да много жорила, ей и рѳзорвало!»
 Говорить проклятое чюдишшо:
 «Я и буду въ гѳроди въ Кієви,—
 «Ишше буду я какъ баранъ тусѳнъ,
 «Какъ баранъ тусѳнъ, какъ соколъ есѳнъ;
 «Стару казака да Илью Муровича
 «На долѳнъ посажу, другой рѳсхлопну,—
 «У его только и мокро пойдѳ.»
 Стоить какъ калика перехожая,
 Онъ смѳаѳ шляпоцьку воскрыньцату,
 Онъ и взгрѳлъ чюдишша по буйнѳй главѳ.
 Покатилась голова, какъ пивной котель.
 Тутъ вѳдь пѳвелы и юлѳвелы.
 Ишше та его сила невѳрна жа
 И схватали тутъ да Илью Муровича,
 А сковали его ноги рѳзвы жа
 А—й тѳма залѳзами нѳмецькими,
 А свезали его руки бѳлы жа
 Тѳма же опутьями шолковыма.
 Говорить какъ тутъ да Илья Муровичъ:
 «Ужъ ты Спасъ, ужъ ты Спасъ Многомилосливъ,
 «Ужъ ты, Божья Мать, Богородиця!
 «Ужъ вы што на миня да екъ прогнѳвались?»
 Приломалъ всѳ залѳза нѳмецкіє,
 Онъ прирвалъ опутьни шолковые;
 Онъ вѳдь сталъ по силы тутъ похажывать,
 Онъ вѳдь сталъ ту силу поколачивать,
 Онъ прибилъ ихъ всѳхъ до единого.
 Ишша ихны тѳ вѳдь тулова

Онъ выкидывать окошечкомъ на улоцьку,
 Ишша самъ онъ имъ приговаривать:
 «А пушшай ваши тѣ вѣдь тулова
 «А—й сѣрымъ волкамъ на розрѣваньѣ,
 «А чернымъ воронамъ на росклѣваньѣ,
 «Ишша малымъ робятамъ на изрѣганьѣ».
 У царя Константина Атаульевичя
 Росковаль у его да ноги рѣзвые,
 Розвезаль у его руки бѣлые;
 А кнегину Опраксѣю назадъ вѣдь взялъ;
 Посадила онъ ихъ тутъ на царство жа.
 А пошелъ какъ тутъ да Илья Муровичъ,
 А приходитъ онъ ко меньшей рѣки
 Ко тому калики перехожое.
 Ишша тутъ калика перехожа,
 Перехожа калика безымянная
 И не можотъ онъ его конемъ владать,
 А его коня въ поводу водить.
 Они платьѣмъ тутъ розминялисе:
 Ишша тотъ вѣдь да Илья Муровичъ.
 Онъ вѣдь скинулъ платьѣ калицькоѣ,
 Онъ одѣлъ вѣдь платьѣ богатырское.
 Ишша тутъ они розѣзжжалисе,
 Ишша они тутъ респрошшалисе;
 А Илья поѣхаль домой вѣдь тутъ,
 А калика пошелъ, куды надомно.

МОЛОДОСТЬ ДОБРЫНИ И БОИ ЕГО СЪ ИЛЬЕЙ МУРОВИЧЕМЪ.

Во славномъ во городи во Кієви
Былъ тутъ Никита Родомановичъ.
Девеносто онъ лѣтъ жилъ, пристарилса,
Онъ пристарилса, да тутъ припокоилса.
Оставаласе семья любимая
Да чесна вдова Омыльфа Тимоѳеевна;
Оставалса Добрынюшка Микитичъ младъ
Онъ не въ полномъ уми, не въ полномъ разуми,
Не въ великомъ Добрынюшка возрости:
Онъ не можотъ Добрыня на кони сидѣть,
Онъ не можотъ Добрынюшка канѣмъ владать.
Ишша сталъ какъ Добрыня лѣтъ двѣнадцети,
Онъ падалъ своей матушки въ рѣзвыя ногі:
«Ужъ ты ой, государыня матушка!
«Чесна вдова, Омыльфа Тимоѳеевна!
«Блаослови-тко миня выйти на улоньку
«Ишша съ малыма робятами поиграти».
Да которы робята двадцети петі,
Ишша онъ вѣдь Добрыня да лѣтъ двѣнадцети.

«Тибя Богъ благословить, чядо милоё,
 «А мѳлоду Добрынюшку Микитичя младъ,
 «А тибѣ жа какъ выйти на улоньку
 «Ишша съ малыма робятами поиграти».

Да которы робята двадцети пети,
 Ишша онъ вѣдь Добрыня да лѣтъ двѣнадцети.
 А пошелъ какъ Добрынюшка на улоньку,
 Ишшо сталъ онъ шутоцьки зашучивать:
 Куго за руку возьметъ,—руку выдернѣтъ,
 Куго за ногу подопнетъ,—ногу вышыбѣ,
 По бѣлой шеи ударить,—голова вѣдь съ плечь.
 Доходили ети жалобы великіе жа,
 Доходили до его вѣдь до матинки,
 До чесной вдовы Омельфы Тимоеевны.
 А мѳлодый Добрынюшка Микитичъ младъ
 Онъ падалъ своей матинки въ рѣзвы ноги.

«Ужъ ты ой, государыня матушка!
 «Блаослови-тко миня итти-ѣхати
 «Да во далечѣ во чисто полѣ
 «Да учитьсе натуры богатырской жа».

Добрынина та матушка расплакалась:
 «Ужъ ты молоды Добрынюшка Микитичъ младъ!
 «Ты не въ полномъ уми, не въ полномъ разуми,
 «Не въ великомъ, Добрынюшка, возрости:
 «Да напрасно головушка погибнетъ вѣдь».

Онъ вѣдь падаетъ своей матушки во второй наконъ ¹⁾
 «Ужъ ты ой, государыня матушка!
 «Блаословишь ты миня, я поѣду жа,
 «Не благословишь ты миня, я поѣду жа».

¹⁾ Разъ.

— Тибя Богъ благословить чядо милоё,
 — Да мѡлоду Добрынюшку Микитича,
 — Тибѣ ѣхать во далечѣ въ чистѡ полѣ
 — А учиться натуры богатырской жа.---
 А молоды Добрынюшка Микитичъ младъ
 Онъ выходитъ на сэреду кирпичьнею,
 Онъ молиться Спасу Пречистому,
 Онъ Божьей-то Матери, Богородици.
 Да пошелъ какъ Добрыня на конюшонъ дворъ.
 Онъ берѣтъ вѣдь тутъ добра коня,
 Онъ добра-та коня со семи цѣпей;
 Онъ накладывать уздицю тасмяную,
 Уздать во уздилиця булатные;
 Онъ накидывалъ Добрынюшка войлучекъ,
 Онъ на войлучекъ Добрынюшка сѣдельшко;
 Подпрягалъ онъ двѣнадцать подпруженекъ,
 А ишша двѣ подпружки подпрягаютци
 Да не ради басы, ради крѣпости:
 Да не шшибъ бы богатыря доброй конь,
 Не оставилъ бы богатыря въ чистѡмъ поли.
 Надѣваетъ онъ латы булатные,
 Да беретъ онъ съ собой палку воинную,
 Да беретъ онъ съ собой саблю вострою,
 Онъ беретъ вѣдь съ собой востро копьѣ,
 Беретъ онъ съ собой и булатный ножъ,
 Скоро онъ скачѣтъ на добра коня;
 У воротъ приворотниковъ не спрашивалъ,—
 Онъ махалъ черезъ стѣну городѡвую.
 Ишша ѣхалъ Добрыня по чистѡу полю,—
 Въ чистѡмъ-то поли курева стоять,
 Въ куревы какъ богатыря не видѣти.

Какъ во ту-то пору, въ то-то времечко
 Ко той вдовы Омыльфи Тимоѳеевны
 Пріѣжжала полениця удалая,
 Ишша старъ-отъ казакъ Илья Муровичъ.
 Становиль онъ коня къ дубову столбу,
 Да вязаль онъ коня къ золоту кольцю.
 Да въ гридню онъ идетъ не съ упадками,—
 Отпираетъ онъ двери тутъ на пету.
 А молитъсе Спасу Пречистому,
 А Божьей-то Матери, Богородици,
 А чесной вдовы Омыльфы поклоняйтъсе.
 А чесна вдова Омыльфа Тимоѳеевна
 А поитъ поленицю, она кормитъ тутъ;
 А сама поленици наказыватъ,
 Да наказыватъ поленици, наговариватъ:
 «Ужъ ты, ахъ, полениця удалая,
 «Ужъ ты старъ казакъ, Илья Муровичъ!
 «Ты поѣдѣшь, Илья, во чисто поле;
 «Ты увидишь мое чядо милоѳ,
 «Ишша молоды Добрынюшку Микитичя;
 «Не придай ты ему смерти скорое.»
 Ишша тутъ полениця поѣжжаётъ вѣдь,
 А чесна вдова Омыльфа спровожаётъ тутъ.
 Скоро полениця скачѣтъ на добра коня,
 Ишша ѣдетъ Илья по чисту полю,—
 А молоды Добрынюшка Микитичъ младъ
 Ишша ѣздитъ Добрыня по чисту полю,
 А учитьсе натуры богатырской жа:
 А правой рукой копьемъ шурматитъ,
 А лѣвой рукой онъ подхватыватъ.
 А крыцитъ, какъ зыцитъ полениця удалая

Да старъ казакъ Илья Муровичъ:
 «А пора, полениця, съ тобой съѣхаться,
 «А пора, полениця, намъ побрататься.»
 А Добрынюшка тутъ испужаитъсе,
 А конь-отъ подъ имъ и подпинаитъсе.
 А бьетъ онъ коня по тучнымъ ребрамъ:
 «Ужъ ты, волчья ты сыть, травеной мѣшокъ!
 «И што тако ты подпинаисе,
 «Надо мной надъ богатыремъ надсмѣхаисе?»
 Крицитъ какъ полениця, да во второй наконъ:
 «На уѣздъ ужъ тобѣ не уѣхати!»
 Какъ двѣ горы вмѣстяхъ столконулисе,—
 Два богатыря вмѣстяхъ съѣжжалисье.
 Они бились палками воинныма;
 По насадкамъ палки розгорялисе;
 Они другъ вѣдь друга не ранили,
 А кидали палки на сыру землю.
 Они сѣклись саблеми вострыма;
 Ишше сабельки пошпорбалисе;
 Они вѣдь другъ друга не ранили,
 Они кидали сабли на сыру землю.
 А кололись копьеми вострыма,
 Другъ вѣдь друга не ранили;
 По насадкамъ у нихъ копыя обломалисе;
 А кидали они копыя на сыру землю.
 Слѣзовали богатыри со добрыхъ коней,
 А схватались богатыри во плотной тутъ бой.
 Ильина нога да окатиласе,
 Окатиласе да нога лѣвая;
 Ишша сплылъ Добрыня на бѣлы груди,
 Ишша хочеть пороть груди бѣлые,

Онъ хочё смотрѣть ретивó серьцё,
Ишша самъ говорилъ таковó словó:

«Не чесь-то-хвала молодецькая,
«А-й не выслуга-та богатырска жа—
«А убить полениця во чистомъ поли
«А безъ спросу ей и безъ вѣдома;
«Ужъ ты, охъ, полениця удалая!
«Ты коёй земли, коёго города?»

Говорить полениця удалая:

«Ишша былъ бы у тя я на бѣлыхъ грудяхъ,—
«Не просилъ бы ни дядины, не вотъчины,
«А поролъ бы у тя я груди бѣлы жа,
«А смотрѣлъ бы у тя я ретивó серьцё.
«Я изъ славнаго города изъ Кіева;
«Ишше старо казакъ да Илья Муровичъ,
«Илья Муровичъ сынъ Ивановичъ».

А и молоды Добрынюшка Микитичъ младъ

Ишше скачѣтъ онъ со бѣлыхъ грудей,

Ишше падать ему во рѣзвы ногі:

«Ужъ ты, батюшко нашъ, старій казакъ!

«Ты старó казакъ да Илья Муровичъ!

«Ты прости миня въ таковой вины».

Они скоро скачють на добрыхъ коней.

А Илья поѣхалъ по чисту полю.

А Добрыня поѣхалъ къ своей матѣнки,

А къ чесной вдовы Омыльфы Тимреевны;

Становилъ коня къ дубову столбу,

Онъ везалъ коня къ золоту кольцю.

А въ GRIDНЮ идетъ,—Богу молиться,

Своей матѣнки до поклоняется:

«Ужъ ты здрастуёшь, моя матушка,

«Чесна вдова да Омыльфа Тимоеевна!»

— Ужъ ты здрасвуёшь, мое дитятко,

— Да молоды Добрынюшка Микичъ младъ!—

Говорилъ Добрынюшка Микитичъ-отъ,

Говорилъ онъ вѣдь своей матѣнки:

«Ишша былъ я Добрыня во чистомъ поли;

«Я побилъ поленицю удалую,

«Я стару казака Илью Муровича»,

Говорить тутъ да рѣдна матушка,

Ишша та вдова Омыльфа Тимоеевна.

«Ужъ ты ой еси, мое дитетко,

«Ишша молоды Добрынюшка Микитичъ младъ!

«Ишша то вѣдь тибѣ родной батюшко».

Ишша тутъ ему за бѣду стало,

За ту кручинушку великую.

*(Ишь, мать сказала, што онъ не замужемъ былъ
прижить, онъ вѣдь не зналъ, што сколотной ¹⁾
былъ).*

Онъ вѣдь скоро скачѣтъ на добра коня,

Онъ поѣхалъ тутъ по чисту полю.

*(Хотѣлъ найти Илью Муровичя да убить его, да
гдѣ его сыскать. Илью-то? Поѣздилъ, да такъ и
пріѣхалъ).*

.....

1) Внѣбрачный.

КУШАНЬЕ ДОБРЫНИ И ВОЙ ЕГО СО ЗМЪЕМЪ ГОРЬНИЩЕМЪ.

А мѳлоды Добрынюшка Микитичь младъ
Не въ полномъ уми, не въ полномъ разуми,
Не въ великомъ Добрынюшка возрасти.
Надѣваетъ Добрынюшка платьѳ цвѣтнѳе;
Онъ пошолъ какъ Добрыня на конюшонъ дворъ;
Беретъ какъ своего добра коня,
Онъ добра-та коня со семи цѣпей;
Онъ накладыватъ уздицю тосмянную;
Онъ вуздатъ во уздилиця булатные;
Онъ накидывалъ Добрынюшка войлучекъ,
Онъ на войлучекъ Добрынюшка сѣдельшко;
Подпрегалъ онъ двѣнадцеть подпруженекъ,
Ишша двѣ подпружки потпрегаютси
Да не ради басы, ради крѣпости;
Да не шшибъ бы богатыря добрый конь,
Не оставилъ бы богатыря въ чистомъ поли.
Скоро онъ скачѣтъ на добра коня;
А беретъ онъ съ собой только тугой лукъ,
Ишша тугой-отъ лукъ, калену стрѣлѳ.
Ишша ѣдѣтъ Добрыня по чисту полю,—
Во чистомъ-то поли курева стоитъ,

Въ куревы какъ богатыря не видѣти.
 Ишша ѣхалъ Добрыня день до вечера,
 Онъ темну-то ночь до бѣла свѣту,
 Не пиваючи онъ, не ѣдаючи
 Да добру коню отдоху не даваючи.
 Да пріѣхалъ Добрыня ко меньшій рѣки,
 Ко меньшей-то рѣки, ко синю морю.
 Скиновалъ тутъ Добрыня платьѣ цвѣтное,
 Ишша нагъ вѣдь Добрынюшка до ниточки,
 Оставляютъ только Добрыня единъ пуховъ колпакъ.
 Ишша поплылъ Добрыня по синю морю,
 Ишша выплылъ Добрыня на перву струю;
 Богатырьско-то серьцѣ зарывчиво:
 Да зарывчиво-то серьцѣ заплывчиво:
 Ишша поплылъ Добрыня на втору струю, —
 Да втора-та струя добрѣ относиста;
 Отнесла какъ Добрыню за синѣ морѣ.
 И тамъ плавать змѣишшо Горынишшо:
 (*Змѣишшо леталъ на Святую Русь, со святой Руси
 людей живкомъ уносилъ и унесъ у Владимера—
 князя Племянницу, и Добрынюшка зажалѣлъ ей,
 такъ здумалъ воротить...*)
 «Сказали, отъ Добрыни мнѣ-ка смерть будѣ;
 «А нынѣ вѣдь Добрыня у меня въ рукахъ;
 «А хочу я, Добрыню хотѣ цѣлкомъ сглону,
 «Да хочу я, Добрыню хотѣ съ конемъ стопчу».
 А молоды Добрынюшка Микитичъ младъ
 Ишша тутъ жа змѣишшу возмолилосе:
 «Ужъ, ты охъ, змѣишшу Горынишшо!
 «Ужъ ты дай мнѣ строку на малой чась
 «Ишша выплыть Добрынюшки на крутъ берегъ

«А и на тотъ же Добрыни россыпной песокъ».
 Тутъ же змѣишшо Горынишшо
 Да даетъ ему строку на малой чясъ
 А молоды Добрынюшки Микитичю.
 А выплыль Добрынюшка на крутъ берегъ
 Да на тотъ Добрыня россыпной песокъ.
 Ишша нагъ вѣдь Добрынюшка до ниточки,
 Только у Добрыни единъ пуховъ колпакъ.
 Онъ сымать какъ пуховъ колпакъ со буйной главы,
 Засыпать онъ песку, хрещу сѣрого,
 Онъ шшыбъ какъ змѣишшу во черны глаза:
 Онъ шшыбъ какъ у змѣишша три хобота,
 А три хобота шшыбъ онъ три головы.
 Ишша тутъ же змѣишшо возмолилося:
 «Ужъ ты молодой Добрынюшка Микитичъ младъ!
 «Не придай ты минѣ смерти скорое;
 «Ужъ я дамъ тобѣ заповѣдь крѣпкою:
 «Не летать бы мнѣ змѣишшу на светую Русь,
 «Не носить бы со святой Руси живкомъ людей;
 «Ишша дамъ тѣ Добрыни платье цвѣтноё,
 «Ишша дамъ тѣ Добрынюшки добра коня,
 «Я Владимира князя дамъ племянницу».
 А пошли они на гору Окатову
 Да писали они заповѣдь крѣпкою:
 Не летать больше змѣишшу на светую Русь,
 Не носить бы со светой Руси живкомъ людей;
 Да даетъ вѣдь Добрыни платье цвѣтное,
 Да далъ онъ Добрынюшки добра коня,
 Да Владимира князя далъ племянницу.

ИВАНЪ ГРОЗНЫЙ.

(Историческая).

Было у насъ да во Царѣ-градѣ,
Да не было ни дядины, не вотчины,
Да жилъ какъ былъ прозвитель царь,
Прозвитель-отъ царь Иванъ Васильевичь.

Была семья его любимая,
А былъ у его только бѣльшой сынъ,
А и большое сынъ Федоръ Ивановичь.

Говорилъ какъ онъ таково слово:

«А по этому мосту по калинову
«А много и было хожоно,
«А много было и ѣжжоно,
«А горячей крови много пролито».

А тутъ какъ царю за бѣду стало
А за ту кручинушку великую.

(Царь своимъ судомъ судилъ, много народу билъ)

Онъ крыцить-зыцить громкимъ голосомъ:

«Ужъ вы, эхъ, палачи вы да немилосливы!

«Вы берите царевичя за бѣлы руки,

«Вы ведите царевичя во чисто полѣ

«Вы ко той ко плахи ко липовой,

«Вы рубите его да буйну голову

«Вы на той на плахи на липовой».

Ишша всѣ палачи испужалисе,
 Ишша всѣ палачи устрашилисе.
 Какъ адинъ палачъ не устрашилса,
 Тутъ Скарлютка воръ, Скурлатовъ сынъ.
 Онъ беретъ царевича за бѣлы руки,
 Онъ ведетъ царевича во чисто полѣ
 Онъ ко той ко плахи ко липовой,
 Да хочѣ рубить да буйну голову.
 А во ту пору, да во то времечко
 Перепахнула вѣска за рѣку Москву,
 А во тотъ жа во Кіевъ градъ,
 А къ тому же вѣдь ко дядюшки,
 А къ тому же Микиты Родомановичю:
 «Ужъ ты ой еси, нашъ дядюшка,
 «Ужъ ты же Микита Родомановичъ!
 «Ужъ ты знаѣшь ле, про то вѣдаѣшь:
 «Какъ помѣркло у насъ сонцѣ красной,
 «А потухла звѣзда поднибесная,—
 «Какъ погибъ царевичъ за Москвой рѣкой
 «А и большое Ѳѳодоръ Ивановичъ?»
 Ишша тутъ же вѣдь какъ и дядюшка,
 Ишша тотъ жа Микита Родомановичъ,
 Онъ вѣдь скачѣ съ постелюшки со мяжкою;
 Онъ обулъ какъ сапожки на босу ногу,
 Онъ схватилъ талупъ за единъ рукавъ;
 Онъ крыцить-зыцить своимъ конюхамъ:
 «Ужъ вы ой еси, мои конюхи!
 «Подводите мнѣ и добра коня».
 Онъ вѣдь скоро скачѣтъ на добра коня,
 Онъ вѣдь гонитъ тутъ во всю голову;
 Крычитъ онъ зычитъ громкимъ голосомъ:

«Розодвиньтесъ-ко да вы, народъ Божей».
 Онъ засталъ Скарлютку на зѣмахи;
 А самъ говорилъ таково слово:
 «Ты Скарлютка воръ, ты Скарлатовъ сынъ!
 «Ты не за свой гужъ ты примаисъсе.
 «А кабы тѣ тѣмъ гужомъ подавитисе.
 «Ты поди, Скарлютка, во чисто полѣ,
 «А сруби у тотарина буйну голову;
 «Ты приди къ царю,—саблю на столъ клади,
 «Ишша самъ говори таково слово:
 «— Ишша то дѣло у насъ сдѣлано,
 «— Ишша та роботушка сроблена --».
 Онъ беретъ цѣревичя за бѣлы руки,
 Онъ садилъ цѣревичя на добра коня;
 Онъ самъ коня въ поводу повель.
 Скарлютка воръ да какъ Скарлатовъ сынъ,
 Пошелъ какъ онъ да во чисто поле.
 Онъ срубилъ у тотарина буйну голову.
 Онъ пришелъ къ царю,—саблю на столъ кладѣтъ:
 А самъ говоритъ таково слово:
 «Ты прозвитель царь, Иванъ Васильевичъ!
 «У насъ то вѣдь дѣло нынъ сдѣлано,
 «У насъ та роботушка сроблена».
 Зажалѣлъ какъ тутъ прозвитель царь,
 Зажалѣлъ какъ онъ своего сына,
 Ишша большого Фѣдора Ивановичя;
 Ишша самъ говорилъ таково слово:
 «А какъ по вори да по Гогарини
 «Ишша много есь какъ жалобныхъ тутъ,
 «А по моемъ по сыни по Фѣдори
 «Некугѣ-то нѣту жалобного».

Приходила панафида шесънедѣльная,
 А прозвитель царь Иванъ Васильевичъ
 А паходитъ онъ поминать сына
 А и большего Федора Ивановичя.
 А итти то нать мимо Кіевъ градъ,
 Да мимо дядево-то подворьяца.
 А у дядюшки и за пиръ такой,
 А што тако да за весельицѣ.
 А скрыцьялъ какъ тутъ прозвитель царь,
 Онъ скрыцьялъ вѣдь тутъ громкимъ голосомъ:
(Нихто не велѣлъ тебѣ разгоречиться то!)
 «Ужъ ты ой еси, мой дядюшка!
 «А што у тя и за пиръ такой,
 А што у тя и за весельицѣ?
 «Ты не знаёшь-ле, не вѣдаёшь:
 «А помёркло у насъ соньцѣ красной,
*(Экой былъ герой! Боисе его, перебоисе, все
 народъ своимъ судомъ судиль).*
 «А потухла звѣзда подынебесная,—
 «Какъ погибъ царевичъ за Москвой рѣкой,
 «Ишша большое Федоръ Ивановичъ?»
 Какъ выходитъ тутъ его дядюшка,
 Ишша тотъ жа Микита Родомановичъ;
 Онъ выходитъ тутъ на красно крыльце.
 Говориль какъ тутъ прозвитель царь:
(Эка громогласна старина!)
 «Ужъ ты ой еси, ты мой дядюшка!»
 Ишша ткнулъ копьемъ во праву ногу:
(Экъ разгоречился какъ!)
 «Ишша што у тя и за пиръ такой,
 «Ишша што у тя за висельицѣ?

«Ты не знаёшь-ле, не вѣдаёшь:
 «А помёркло у насъ соньцё красное,
 «А потухла звѣзда поднебесная,—
 «А погибъ царевичъ за Москвой рѣкой,
 «Ишша большое Ѳеодоръ Ивановичъ?»
 Говорить какъ тутъ его дядюшка,
 Ишша тотъ же Микита Радамановичъ:
 «Ужъ ты ой еси, мой племянничёкъ,
 «А прозвитель царь Иванъ Васильевичъ!
 «Ужъ ты хошь,—чѣмъ тебя обрадую,
 «Тибя большимъ-то сыномъ Ѳедоромъ,
 «Ишша Ѳедоромъ тибя Ивановичемъ».
 Онъ выводитъ цяревича на красно крыльце
 Да большого-то Ѳедора Ивановичя.
 Зрадовался тутъ прозвитель-царь,
 Прозвитель царь Иванъ Васильевичъ:
 Онъ беретъ тутъ вѣдь своего сына,
 Онъ беретъ его за бѣлы руки;
 Онъ цѣлуетъ въ уста во сахарны жа;
 Ишша самъ говорилъ таково слово:
 «Ужъ ты гой еси, ты мой дядюшка!
 «Ишша чѣмъ тебя буду жаловать?
 «У тебя злата-серебра не менѣ моего».

(Пиръ средили, пировать стали. Не осудите бабушку).

СМЕРТЬ КНЯЗЯ ДОЛГОРУКОГО.

(Историческая).

Намъ не дорого не злато да чистое сѣребро
И дорога-то наша любовь да молодецкая.
Ишша злато, чисто серебро скоро минутьсе,
А и дорога-то наша любовь не позабудитьсе.
Среди то было Китаю да славного города:
А и тутъ стояли палаты да бѣлокаменны.
Што вотѣхъ-жа да во палатахъ было да бѣлокаменныхъ,
Тутъ не мурава трава въ поли да шаталасе,
Не лазурьевы цвѣтоцъки къ земли преклонялисе,
Тутъ и быють челомъ царю солдаты, да ниско кланяются;
«Ужъ ты гой еси, надежда да православной царь,
«Ужъ ты дай намъ судъ на князя да Долгорукого».
Говорилъ какъ тутъ надежда православной царь:
«У меня на Долгорукого суда нѣту,
«Вы судите-ко Долгорукого своимъ судомъ,
«Вы своимъ судомъ судите да рукопашкою,
«Вы берите-ко слегу ¹⁾ да долгомѣрною,
«Долгомѣрною слегу да семи аршинъ,
«Семи она аршинъ да семи она верховъ.
«Вы ломайте у Долгорукого хрустальни ворота».

¹⁾ Бревно.

Тутъ берутъ вѣдь какъ солдаты да все долгу слегу,
 И долгу слегу да все семи аршинъ,
 И семи-то аршинъ она была семи верховъ ¹⁾.
 Они ломаютъ у Долгорукого хрустальни ворота.
 Какъ выходитъ Долгорукой онъ на красно крыльцѣ.
 «Ужъ вы гой еси, солдаты да новобраны,
 «Ишшо што да вамъ, робята, да тако надомно?
 «Ишшо надо вамъ робятамъ да разѣ чисто серебро?»
 Тутъ спроговорятъ солдаты да новобраные:
 «Намъ не надомно солдатамъ чисто-серебро,
 «Ты отдай намъ наше жалованье
 «Хлѣбно и мундерно и денежно».

.....

¹⁾ Вершковъ.

КНЯЗЬ ДМИТРІЙ И ДОМНА.

Ишша сватался Митрей князь
Ишшо сватался Михайловичь
На Домны Фалилеевны
Онъ по три года, по три зимы,
Отъ дверей не отхѣдучи,
Да отъ воротъ не отъѣдучи,
Да какъ пошелъ, пошелъ Митрей князь
Да онъ ко ранной заутрени
Да къ чесной ранной воскресеньское.
Увидала его Домнушка
Да Домна Фалилеевна:
«Да ёво Митріё кутыра йидё,
«Да какъ кутыра-та боярская,
«Да какъ сова заозерская:
«Голова-та у Митрея
«Да какъ котёлъ пивоваренной,
«Глаза-ти у Митрея
«Да какъ двѣ кошки ордастые, ¹⁾
«Да какъ брови у Митрея
«Да какъ собаки горластые».

¹⁾ Полосатая, тигровая.

Да какъ услышелъ Митриѣ князь,
 Да какъ услышилъ вѣдь Михайловичь-отъ,
 Воротилса къ своей сестрици,
 Да ко Ульяны Михайловны:
 «Ужъ ты гой еси, сестриця,
 «Да ты Ульяна Михайловна!
 «Да собирай-ка бесѣдушку;
 «Да созови красныхъ дѣвушокъ
 «Да молодыхъ-то молѣдушокъ,
 «Да созови-сходи Домнушку
 «Да какъ Домну ту Фалилеѣвну;
 «Созови на бесѣдушку
 «Да скажи: „Митрея-та дома нѣтъ“,
 «А скажи: „Михайловичя дома нѣтъ:
 «Да онъ ушѣлъ за охвотами,
 «Онъ за утками, за гусями,
 «Да онъ за бѣлыма лѣбедеми“».
 Да пошла, пошла сестриця
 Да Ульяна Михайловна,
 Да собирала бесѣдушку,
 Да созвала красныхъ дѣвушокъ
 Да молодыхъ то молѣдушокъ;
 Да позвала она вѣдь Домнушку
 Да какъ Домну-то Фалилеѣвну:
 «Да ты пойдѣмъ, пойдѣмъ, Домна, къ намъ,
 «Да ты пойдѣмъ на бесѣдушку
 «Да посидѣтъ съ красныма дѣдушками
 «Да съ молодыма молѣдушками».
 Посылаѣтъ ей матѣнка:
 «Да ты поди, поди, Домнушка,
 «Да ты Домна Фалелеѣвна;

«Да ты поди на бесѣдушку
 «Да посидѣть съ красныма дѣвушками».
 Говорила тутъ Домнушка
 Да какъ Домна Ѡалилеѣвна:
 «Ты кормилица матѣнка!
 «Не посоль идѣтъ,—омманъ за мной».
 Да говорила тутъ сѣстриця
 Да какъ Ульяна Михайловна:
 «Да ты пойдѣмъ, пойдѣмъ, Домна, къ намъ,
 «Да ты пойдѣмъ, Ѡалилеѣвна;
 «Да у насъ Митрея-то дома нѣтъ,
 «У насъ Михайловичя дома нѣтъ:
 «Онъ ушелъ за охвотами,
 «Да онъ за утками, за гусями,
 «Да онъ за бѣлыма лѣбедеми».
 Да какъ пошла, пошла Домнушка
 Да посидѣть на бесѣдушку,
 Да посидѣть съ красныма дѣвушками
 Да съ молодыма молодушками.
 Да идѣтъ, идѣтъ Домнушка,
 Да идѣ Ѡалилеѣвна.
 У воротъ стоятъ приворотничьки,
 У дверей стоятъ притворьничьки.
 Да сохватали тутъ Домнушку,
 Да сохватали Ѡалелеѣвну
 Да ей за бѣлые руцюшки
 За злачены персні серебряные;
 Подводили ей къ Митрею,
 Да подводили къ Михайловичю.
 Ишша Митрей князь за столомъ стоитъ
 Да со всѣма кнезьями, боярами.

Да наливаётъ онъ чару вина,
Наливаётъ зеленого;
Да подаваётъ онъ Домнушки,
Да подаваётъ Фалелеёвны:
«Да выпей, выпей, выпей, Домнушка,
«Да выпей, выпей, Фалелеёвна,
«Да отъ кутыры боярьское,
«Да отъ совы ты заозерьское,
«Отъ котла-та пивоваренного,
«Да ты отъ кошки ордастое,
«Да отъ собаки горластое».
Не примаётъ какъ Домнушка
Да не примаётъ Фалилеёвна,
Говорила тутъ Домнушка,
Да говорила Фалелеёвна:
«Да ты спусти, спусти, Митрей князь,
«Да ты спусти, спусти, Михайловичь,
«Да ко кормилицы матёнки
«Да какъ сходить къ ей за платъицёмъ:
«Да перво платъё рукобитноё,
«Да второ платъё обрученноё,
«Да третьё платъё подвинесьнеё».
Да не спускаётъ ей Митрей князь
Да какъ сходить ей ко матёнки,
Да какъ сходить ей за платъицёмъ:
Да перво платъё рукобитноё,
Да второ платъё обрученноё,
Да третьё платъё подвинесьнеё.
Да говорила какъ Домнушка,
Да говорила Фалилеёвна:
«Ужъ ты ой еси, Митрей князь!

«Да ты спусти на могилочку
«Да ко родителю батюшку
«Да попросить блаословленьица;
«Да ужъ мы съ тѣмъ бласловленьицёмъ
«Да будёмъ жить-красоватисе,
«Будёмъ гулять-прокладатисе».
А спустиль, спустиль Митрей князь,
Да какъ спустиль, спустиль Михайловичь
Да ко родителю батюшку
Да сходить на могилочку
Да попросить блаословленьица:
«Да ужъ мы съ тѣмъ бласловленьицёмъ
«Да будёмъ жить-красоватисе,
«Будёмъ гулять-прокладатисе».
Пошла, пошла Домнушка,
Да какъ пошла Фалелеевна,
Да пошла на могилочку;
Да брала съ собой два ножичка
Да какъ два друга быдто милыхъ-е.
Да какъ пришла на могилочку,
Да ко родителю-батюшку.
Да первой ножечёкъ наставила
Да противъ серьця ретивого,
Да второй ножичёкъ наставила
Да противу горла ревливого;
Да сама она сибѣ тутъ смерть прида́ла.

.....

МОЛОДЕЦЪ ДОБРЫНЯ ГУБИТЬ НЕВИННУЮ ЖЕНУ.

Охвочь молодець по пирамъ ходить,
Охвочь молодець чюжыхъ жонъ сміять;
Да нынь мы молодцю самому отсмѣемъ:
«Да нынь у молодця и молода жона
«Пиво варила да вино курила,
«А звала какъ гостей не свою ровню:
«Поповъ, дьяковъ да людей грамотныхъ,
«Людей грамотныхъ да коихъ надомно.»
Да тутъ какъ молодцю и за бѣду стало
Да за ту жа за кручинушку великою.
Собирался молодець со бесѣдушки,
А идѣтъ молодець ко своѣму двору.
Отпиратъ жона его воротечька
Да въ одной рубашечьки, безъ поеса,
Въ единыхъ чюлочиковъ, безъ чоботовъ,
А онъ вѣдь тутъ онъ ей смерть придалъ.
А поролъ онъ у ей груди бѣлы же,
А смотрѣлъ онъ у ей ретиво серьцѣ.
А пошѣлъ какъ Добрыня во свѣтлу гридню;—
Во свѣтлой-то гридни да тутъ книга лежитъ,
Какъ книгá-та лежитъ, да всё свѣща горить:
За его-то она Богу мблила,

Молила Добрынюшки здоровиця.
Зашёлъ какъ Добрыня въ нову горенку,—
А во горёнки-то колубель вѣситъ,
Колубель-та вѣситъ, и младёнь плачётъ.
Онъ и байкатъ, онъ и люлькатъ чядо милоё свое:
«Ужъ ты спи-тко, усни чядо милоё:
«Ужъ ты спи-тко, усни, дитя безматерно.»
Да не сдѣлать колубелюшки безъ мастера,
Не утѣшишь младеня безъ матери.
Да самъ онъ сибѣ тутъ и смерть придалъ.

.....

КНЯЗЬ МИХАЙЛО.

Ишла жилъ какъ кнезь Михайло была Катерина пожила
А была вѣдь дочь Настасья, да чядо милое у ихъ.

Говорить какъ кнезь Михайло да онъ кнегини
пожилой:

«Скиновой-ко цвѣтно платьѣ да надѣвай-ко черно
платьѣ;

«Ты садись въ корету въ темну, да ты поѣдѣмъ-ко
со мной.»

Она байкатъ, она люлькатъ да дочь Настасьюшку свою:

«Ужъ ты спи, усни, Настасья да чядо милое мое;

«Ужъ ты спи, усни, Настасьюшка, вплоть до миня.»

Какъ повезъ тутъ кнезь Михайло свою кнегину да
пожилу.

Онъ во далече въ чисто поле, во роздольицѣ;

А убилъ вѣдь кнезь Михайло да тамъ кнегину да
пожилу;

Схоронилъ вѣдь кнезь Михайло да онъ подъ бѣлую
берѣзу,

Онъ подъ бѣлу подъ березу да онъ подъ саму подъ
вершину.

Приѣжжаётъ кнезь Михайло да ко своему да ко двору.

Пробужаитсе дочь Настасья да чядо милое его.

Онъ и байкатъ, онъ и люлькатъ дочь Настасьюшку
свою:

«Ужъ ты спи, усни, Настасья да чядо милое мое;
«Ужъ ты выростешъ больша, я сошью тебѣ шубу
кунью.»»

Говорила дочь Настасья да чядо милое его:

— Мнѣ не недо, мнѣ не надо да шуба куньяя твоя;
— Только надо, только надо да мнѣ-ка матушка
родна.—

Онъ и байкатъ, онъ люлькатъ да чядо милое свое

«Ужъ ты спи, усни, Настасья да чядо милое моё;
«Я срублю тебѣ, Настасья, да златоверховатъ теремъ»
— Мнѣ не надо, мнѣ не надо да златоверховатъ теремъ
— Только надо, только надо да мнѣ какъ матушка
родна.—

«Ужъ ты спи, усни Настасья да чядо милое мое;
«Я возьму тебѣ, Настасья, да тибѣ матеръ молоду.»»

Говорила дочь Настасья да чядо милое его:

«Мнѣ не надо, мнѣ не надо да твоя мати молода,—
«Только надо, только надо да мнѣ матушка родна;
«Ты возьмешь-ка мнѣ не матеръ,—злую мачеху лиху:
«Ужъ вы сѣдите какъ съ ей за дубовые столы,
«Посадите же вы миня да край дубового стола,
«Ужъ вы станите кусочекъ да рукодано мнѣ давать»».

(Сама не засмѣетъ взять,—изъ рукъ давать будутъ).

Какъ пошла вѣдь дочь Настасья да въ нову горенку
Ишша сѣла дочь Настасья да подъ окошечько.

А бѣжатъ вѣдь волки сѣры да всё разрывчетые.

Тутъ спрговорить Настасья да чядо милое его:

«Ужъ вы гдѣ жа, волки, были, да ужъ вы што, волки,
чюли?»»

- Ишша были мы волки да во чистомъ поли,
 - Ишша ѣли мы волки да мясо свѣжое:
 - А убилъ вѣдь кнезь Михайло да онъ кнегину да
пожилу.
 - Схоронилъ вѣдь онъ кнегину да онъ подъ бѣлу
да подъ березу,
 - Онъ подъ бѣлу подъ березу да онъ подъ саму
подъ вершину.—
- Ишша та же дочь Настасья да чядо милоё его
А кидаласе, бросаласе да выше лавици брусятой,
А сибѣ вѣдь тутъ Настасься да и смерть придала.

.....

М. Д. Нриволѡфнова.

Послѣднія три пѣсни нельзя считать ни былинами, ни историческими. Хотя принято пѣсни о князѣ Михайлѣ и о Домнѣ Фалилеевнѣ называть историческими, но врядъ ли онѣ подразумѣваютъ какое-либо историческое событіе. Это скорѣй пѣсни, рисующія бытъ, всѣмъ и каждому понятныя семейныя драмы: нелюбимая жена, насильный бракъ. Такова же пѣсня и о Добрынѣ-молодцѣ. Но форма ихъ еще иногда таитъ въ себѣ признаки былинъ и историческихъ пѣсенъ. Эти три пѣсни являются переходными отъ строго эпическихъ пѣсенъ къ лирическимъ. Стáрина о Домнѣ Фалилеевнѣ—такъ близка женскому сердцу, что ее знаетъ почти каждая женщина въ Архангельской губ. А бабушка почти всегда плачетъ, когда поетъ о князѣ Михайлѣ, потому, что у ея внучатъ есть теперь мачеха (дочь умерла передъ отъѣздомъ бабушки въ Москву).

Народными произведеніями мы называемъ тѣ, что безъ помощи книги передаются изъ устъ въ уста, изъ поколѣнья въ поколѣнье, изъ конца въ конецъ Руси. Но нельзя думать, что эти произведенія сочинены непременно въ самомъ народѣ, въ деревняхъ. Многія

изъ нихъ могли быть сложены въ большихъ городахъ выдающимися талантами своего времени, а затѣмъ, перейдя къ простому народу, полюбились ему и пережили вѣка. И тѣ любители изъ народа, которые запоминаютъ по многу тысячъ стиховъ, вкладываютъ свою душу въ нихъ и оставляютъ свой слѣдъ въ произведеніяхъ.

Кто же могъ въ старину занести городскія сочиненія въ деревню? Странники, калики переходящіе, а всего больше артисты того времени—скоморохи.

Когда церковь воздвигла на нихъ гоненія, они ушли туда, куда уходили многіе гонимые—на сѣверъ. И бабушкина родимая рѣка Пинега дышетъ еще воспоминаніями объ удалыхъ скоморохахъ. Поговорки, сказки, «перегудки» съ упоминаніемъ о скоморохахъ, фамилія «Скомороховы» часто встрѣчаются тамъ.

И «перегудки»—всегда веселыя, шутивыя, остроумныя, отличающіяся либо плясовымъ либо «гудочнымъ» мотивомъ—несомнѣнно сложены самими скоморохами.

Самая замѣчательная изъ этихъ погудокъ—«Вавило и Скоморохи», записанная только отъ одного лица—М. Д. Кривоносовой. Больше нигдѣ никогда ее не встрѣчали. Сѣдой стариной вѣетъ отъ нея—тѣмъ временемъ, когда скоморошье дѣло было объявлено грѣхомъ... Но не могли съ этимъ согласиться скоморохи, какъ не согласимся мы въ наше время съ театръ—грѣшнымъ дѣломъ. И скоморохи сложили въ свою защиту пѣсню, гдѣ прославили свое дѣло, возвели его въ степень святого. Въ мотивѣ скоморошины «Вавило и Скоморохи» ясно слышится гудочекъ.

Любимой же перегудкой нашей бабушки является «Кастрюкъ». Стоит только подмигнуть ей да сказать: «пироваль—жироваль государь»..., какъ бабушка залется смѣхомъ. Въ это мгновенье и схвачена бабушка фотографическимъ аппаратомъ двухъ художницъ. «Кастрюкъ» тоже, очевидно, сложенъ насмѣшливыми скоморохами, утверждавшими, что любимый шуринъ Ивана Васильевича будто бы оказался не Кострюкомъ Темрюковичемъ, а переодѣтой женщиной—Марфой Демрюковной.

.....

БАВИЛО И СКОМОРОХИ.

У чесной вдовы да у Ненилы
А у ей было чядо Вавило.
А поѣхалъ Вавилушко на ниву
Онъ вѣдь нивушку свою орати,
Ишша бѣлую пшоницу засѣвати:
Родну матушку свою хочѣ кормити.
А ко той вдовы да ко Ненилы
Пришли люди къ ней веселые,
Веселые люди не простые,
Не простые люди, скоморохи.
«Ужъ ты здрасвуешъ, чесна вдова Ненила!
«У тя гдѣ чядо да нынѣ Вавило?»
— А уѣхалъ Вавилушко на ниву
— Онъ вѣдь нивушку свою орати,
— Ишша бѣлую пшоницу засѣвати:
— Родну матушку хочѣ кормити.—
Говорятъ какъ тѣ вѣдь скоморохи:
«Мы пойдѣмъ къ Вавилушку на ниву;
«Онъ не идетъ ле съ нами скоморошить?»
А пошли скоморохи къ Вавилушку на ниву:
«Ужъ ты здрасвуешъ, чядо Вавило,
«Тибѣ дай Богъ нивушка орати,

«Ишша бѣлюю пшоницю засѣвати,
 «Родну матушку тибѣ кормити».
 — Вамъ спасибо, люди веселые,
 — Весёлые люди, скоморохи;
 — Вы куды пошли да по дороги?—
 «Мы пошли на инишшоё ¹⁾ царьсво
 «Переигрывать царя Собаку,
 «Ишша сына его да Перегуду,
 «Ишша зятя его да Пересвѣта,
 «Ишша дочь его да Перекрасу.
 «Ты пойдёмъ, Вавило, съ нами скóморóшить».
 Говорило то чядó Вавило:
 «Я вѣдь пѣсёнъ пѣть да не умѣю,
 «Я въ гудокъ играть да не горазёнъ».
 Говорилъ Кузьма да со Демьяномъ:
 «Заиграй, Вавило, во гудочикъ
 «А во звоньчятой во переладець;
 «А Кузьма съ Демьяномъ приспособить».
 Заигралъ Вавило во гудочикъ
 А во звоньчятой во пореладець,
 А Кузьма съ Демьяномъ приспособиль.
 У того вѣдь чяда у Вавила
 А было въ рукахъ-то понюгальцё,—
 А и стало тутъ вѣдь погудальцё;
 Ишша были въ рукахъ у его да тутъ вѣдь вожжи,—
 Ишша стали шолковые струнки.
 Ишшо то чядо да тутъ Вавило
 Видить, люди тутъ да не простые,
 Не простые люди-тѣ, светые;

1) Ишьшоё—иное.

Онъ походить съ имá да скоморошить.
 Онъ повелъ ихъ да вѣдь домой жа.
 Ишша тутъ чесна вдова да тутъ Ненила
 Ишша стала тутъ да ихъ кормити.
 Понесла она хлѣбы-тѣ ржаные,—
 А и стали хлѣбы-тѣ пшонѣе;
 Понесла она куру-ту варѣну,—
 Ишша кура тутъ да вѣдь взлетѣла,
 На печьней столбъ сѣла да запѣла.
 Ишша та вдова да тутъ Ненила
 Ишша видитъ, люди тутъ да не простые,
 Не простые люди-тѣ, светые,
 И спускать Вавила скоморошить.
 А идутъ скоморохи по дороги.
 На гумни мужыкъ горохъ молотить.
 «Тобѣ Бохъ поможь, да тѣ кресьянинъ,
 «На бѣло горохъ да молотити!»
 — Вамъ спасибо, люди весѣлые,
 — Веселые люди, скоморохи;
 — Вы куда пошли да по дороги? —
 «Мы пошли на ѳнишьшоѣ царъсво
 Переигрывать царя Собаку,
 «Ишша сына его да Перегуду,
 «Ишша зятя его да Пересвѣта,
 «Ишша дочь его да Перекрасу».
 Говорилъ да тутъ да вѣдь кресьянинъ:
 «У того царя да у Собаки
 «А окóль двора да тынъ залѣзной,
 «А на каждой тутъ да на тычиньки
 «По человѣчей-то сидитъ головки,
 «А на трехъ вѣдь на тычинкахъ

«Ишша нѣту чловѣчьихъ тутъ головокъ;
 «Тутъ и вашимъ-то да быть головкамъ».
 — Ужъ ты ой еси да ты крестьянинъ!
 — Ты не могъ добра намъ тутъ вѣдь сдумать,
 — Ишша лиха ты бы намъ не сказывалъ.
 — Заиграй, Вавило, во гудочикъ
 — А во звоньчятой во переладецъ;
 — А Кузьма съ Демьяномъ приспособятъ.—
 Заигралъ Вавило во гудочикъ,
 А Кузьма съ Демьяномъ приспособилъ:
 Полетѣли голубята-ти стадами,
 А стадами тутъ да табунами;
 Они стали у мужика горохъ клевати.
 Онъ вѣдь сталъ ихъ кичигами сшибати;
 Зашибалъ, онъ думать голубятокъ,
 Зашибалъ да всѣхъ своихъ ребятокъ.
 Говорилъ да тутъ да вѣдь кресьянинъ:
 «Я вѣдь тяжко тутъ да согрѣшилъ:
 «Это люди шли да не простые,
 «Не простые люди тѣ, светые,—
 «Ишша я вѣдь имъ да не молилса».

А идутъ скоморохи по дороги.
 А на стрѣчю имъ идѣ мужыкъ горшками торговати.
 «Тобѣ Богъ поможь да тѣ кресьянинъ,
 «А-й тибѣ горшками торговати!»

— Вамъ спасибо, люди веселые,
 — Веселые люди, скоморохи;
 — Вы куды пошли да по дороги?—
 «Мы пошли на инишьое царьсво
 «Переигрывать царя Собаку,
 «Ишша сына его да Перегуду,

«Ишша зятя его да Пересвѣта,
 «Ишша дочь его да Перекрасу».
 Говорилъ да тотъ да вѣдь кресьянинъ:
 «У того царя да у Собаки
 «А околъ двора да тынъ залѣзной,
 «А на каждой тутъ да на тычинки
 «По человѣчей-то сѣдять головки,
 «А на трехъ-то вѣдь да на тычинкахъ
 «Нѣтъ человѣчихъ то да тутъ головокъ;
 «Тутъ и вашимъ-то быть головкамъ».
 — Ужъ ты ой еси, да ты кресьянинъ!
 — Ты не могъ добра да намъ вѣдь сдумать,
 — Ишша лиха ты бы намъ не сказывалъ.
 — Заиграй, Вавило, во гудочикъ
 — А во звоньчатой во переладецъ;
 — А Кузьма съ Демьяномъ приспособить.—
 Заигралъ Вавило во гудочикъ
 А во звоньчатой во переладецъ,
 А Кузьма съ Демьяномъ приспособилъ:
 Полетѣли куропци съ ребами,
 Полетѣли пеструхи съ чюхарями,
 Полетѣли марьюхи съ косачями;
 Они стали по оглоблямъ-то садиться.
 Онъ вѣдь сталъ ихъ тутъ да бити
 И во свой вѣдь возъ да класти,
 А наклалъ онъ ихъ да вѣдь возочекъ.
 А поѣхалъ мужикъ да во городочикъ,
 Становилса онъ да во редочикъ,
 Розвезалъ да онъ да свой возочикъ,—
 Полетѣли куропци съ ребами,
 Полетѣли пеструхи съ чюхарями,

Полетѣли марьюхи съ косачями.
 Посмотрѣлъ вѣдь во своемъ-то онъ возочьку,—
 Ишше тутъ у его одны да черепочки.
 «Ой! я тяжко тутъ да согрѣшилъ вѣдь:
 «Это люди шли да не простые,
 «Не простые люди-ти, светые,—
 «Ишша я вѣдь имъ да не молилса».

А идутъ скоморохи по дороги.
 Ишша красная да тутъ дѣвица
 А оны холсты да полоскала.
 «Ужъ ты зрасвуѣшь красна дѣвица,
 «На бѣло холсты да полоскати!»
 — Вамъ спасибо, люди веселые,
 — Весѣлые люди, скоморохи;
 — Вы куды пошли да по дороги?—
 «Мы пошли на инишьшее царьсво
 «Переигрывать царя Собаку,
 «Ишше сына его да Перегуду,
 «Ешше зятя его да Пересвѣта,
 «Ешше дочь его да Перекрасу».

Говорила красная дѣвица:
 «Пособи вамъ Бохъ переиграти
 «И того царя да вамъ Собаку,
 «Ишша сына его да Перегуду,
 «Ишша зятя его да Пересвѣта
 «А-и дочь его да Перекрасу».

— Заиграй, Вавило, во гудочикъ;
 — А во звоньчятой во переладецъ;
 — А Кузьма съ Демьяномъ припособить.—
 Заигралъ Вавило во гудочикъ
 А во звоньчятой во переладецъ

А Кузьма съ Демьяномъ приспособиль.
 А у той у красной у дѣвици
 А были у ей холсты-ти вѣдь холшовы,—
 Ишша стали атласны да шолковы.
*(Какъ намъ съ тобой эти старины дороги,
 такъ имъ слово доброе).*

Говорить какъ красная дѣвица:
 «Туть вѣдь люди шли да не простые,
 «Не простые люди-тѣ, светые,—
 «Ишша я вѣдь имъ да не молилась».
 А идутъ скоморохи по дороги,
 А идутъ на инишьшое царьско.
 Заигралъ да туть да царь Собака,
 Заигралъ Собака во гудочикъ
 А во звоньчятой во переладець,—
 Ишша стала вода да прибывати:
 Онъ хочё водой ихъ потопити.
 «Заиграй, Вавило, во гудочикъ
 «А во звоньчятой во переладець;
 «А Кузьма съ Демьяномъ приспособить».
 Заигралъ Вавило во гудочикъ
 А во звоньчятой во переладець,
 А Кузьма съ Демьяномъ приспособиль:
 И пошли быки-тѣ туть стадами
 А стадами туть да табунами,
 Ишша стали воду да упивати:
 Ишша стала вода да убывати.
 «Заиграй, Вавило, во гудочикъ
 «А во звоньчятой во переладець;
 «А Кузьма съ Демьяномъ приспособить».
 Заигралъ Вавило во гудочикъ

А во звоньчятой во переладецъ,
А Кузьма съ Демьяномъ приспособилъ:
Загорѣлось инишьшоё царьсво
И сгорѣло съ краю и до краю.
Посадили тутъ Вавилушка на царьсво
Онъ привезъ вѣдь тутъ да свою мать.

.....

УСИШША.

Ишша за рѣкой, рѣкой былó чѣтыре двора,
А чѣтыре двора да изъ воротъ и въ ворота.
Ишша жилъ такой кресьянинъ:
Онъ и солоду не ростилъ, завсегда пиво вѣрилъ;
Онъ вѣдь денѣгъ не куеть, да деньги въ займѣ даетъ.
Ишша шли таки Усишша да атаманишша;
Стуки-стуки, стуки-стуки, стуки-стуки на крыльцѣ:
Бряки-бряки, бряки-бряки, бряки-бряки за кольцѣ:
«Ты ставай-ко, хозяинъ, отпирай воротá;
«Ты ставай-ко, хозяйка, добывай огня».
Какъ хозяинъ-отъ вставать да ворота имъ отпиратъ,
Какъ хозяйка-та вставать да огонь имъ доставатъ.
«Ишша што бы намъ, хозяинъ, какъ попить бы, намъ
пойсь,
«А попить бы намъ, поись да намъ позавтракати?»
А хозяинъ-отъ идетъ да ишше куль толокна несѣтъ,
А хозяйка-та идетъ да имъ ушатъ молока несетъ.
Они по кусу хватили,—призаправилисе;
По другому-ту хватили,—Богу кланялисе.
«Да спасибо тѣ, хозяинъ, на овсяномъ толокни;
«Да спасибо тѣ, хозяйюшка, на кислóмъ молоки.
«Ишша ты бы насъ, хозяинъ, напоилъ бы, накормилъ,

«Напоиль бы, накормиль да животомъ насъ надѣлилъ».

Да хозяинъ-отъ божитъсе: «правда, денёкъ нѣтъ;»

Да хозяйка-та ратитце: «намъ негдѣ взеть».

— Ты поди, Самсонъ, да колупай заслонъ;

— Вы кладите-ко хозяину пылу подъ дыру:

Ишша скажо хозяинъ особину ¹⁾ свою —

Да хозяинъ-отъ идё да свою собину ¹⁾ несетъ,

Да хозяйка-та бѣжитъ да достальнѣи денёги ташшѣтъ.

Они дѣлили, роздѣлили по петидесятъ рублёвъ,

Да большому-ту Усишшу девяносто рублёвъ.

«Да спасибо тѣ, хозяинъ: напоиль насъ, накормиль,

«Напоиль насъ, накормиль да животомъ насъ

надѣлилъ.

«Мы и двѣры твои знаемъ, опять зайдемъ».

.....

1) Особо отложенныя деньги; «собина»—особина.

КАСТРЮКЪ.

Во тау-ль и во городи
Во тау-ли въ хорошомъ е
Поизволилъ нашъ царь государь,
Да царь Иванъ Васильевичъ,
А поизволилъ жонитисе
Да не у насъ, не у насъ на Руси,
Да не у насъ въ каменной Москвы,
Да у царя въ Бальной орды
Кастрюка, сына Демрюковичя
Да у его на родной сестры
Да на Марьи Демрюковны.
Собиралса нашъ царь государь,
Да собиралса съ чеснымъ поѣздомъ;
Да во ту-ли походъ учинилъ,
Да во ту-ли съ каменной Москвы.
Ишше здраво сталъ государь
Да черезъ рѣки быстрые,
Да черезъ морё синеё,
Да черезъ полё чистое
Къ Кострюку въ Бальшу орду,
Къ Кострюку сыну Демрюковичю.
Говорилъ его дядюшка

Да Микита Родомановичь:
 «Ужъ ты ой еси, Кастрюкъ-Демрюкъ!
 «Ишша мы къ табѣ пришли
 «Да не съ боёмъ, не съ дракою;
 «Да мы пришли къ тобѣ посвататъсе
 «Да у тебя на родной сестры
 «Да на Марьи Демрюковны».

Они сватались, сосваталисе
 По рукамъ они ударилисе
 Да слово на слово полбжилисе.
 Собирался нашъ царь государь
 За столы-тѣ за дубовые,
 Да за ясва сахарные;
 Да за напитокочки стоялые.

Пироваль-жироваль государь,
 Да царь Иванъ Васильевичъ.
 Говорилъ его дядюшка
 Да Микита Родомановичь:
 «Ужъ ты ой еси, Кастрюкъ-Демрюкъ!
 «Объ чемъ слово было молвленоё,
 «По рукамъ было удáреноё;
 Кастрюкъ поскакиваё,
 Кастрюкъ поплясываё;
 Онъ тому то не ослышитсе;
 Онъ выводитъ родну сестру
 Да ино Марью Демрюковну
 Да за нашего прозвителя царя
 Да за Ивана-та Васильевича,
 Да за столы-ти за дубовые,
 Да за ясва сахарные,
 Да за напитокочки стоялые.

А пироваль-жироваль государь;
А оттули походъ учиниль,
Да оттули изъ Большой орды.
Ишше здраво сталъ государь
Черезъ полё чистоё,
Черезъ море синее,
А черезъ рѣки быстрые.
Ишше здраво сталъ государь
Во свою-ту въ каменну Москву
Да онъ ко церкви соборное
Да ко монастырямъ церковное
Да они вѣнцями повѣнцялисе
Да перснями помѣнялисе.
Ишше здраво сталъ государь
Да во своей то въ каменной Москвы
За столы-тѣ за дубовые,
Да за ясва сахарные,
За напитки стоялые.
Да пироваль-жироваль государь,
Говориль его шуринъ тутъ
Кастрюкъ Демрюковъ сынъ:
«Ужъ ты ой еси, царь государь!
«У васъ есь-ли въ каменной Москвы,
«У васъ есь-ли таковы борьци
«А со мной поборотисе,
«А съ Кастрюкомъ поводитисе?
«Да изъ дани, да изъ пошлины,
«Изъ накладу-ту великого?»
А говорилъ тутъ царь государь
Да царь Иванъ Васильевичъ;
«А любимой дядюшка!

«Да Микита Родомановичь,
 «Ужь ты выйди-ко на улоньку;
 «Затруби-ко въ золотую трубу,
 «Штобы чюли за рѣкой за Москвой,
 «Штобы чюли три брателка
 «Да три братьця родимые;
 «Первой братъ и Мишенька!
 «Второй братъ и Гришенька!
 «Втретьей братъ и Васенька!»
 Какъ выходитъ тутъ дядюшка,
 Да Микита Родомановичь
 Затрубилъ онъ въ золотую трубу.
 Да учили за рѣкой за Москвой,
 А учюли три брателка:
 А первой братъ Мишенька,
 А второй братъ Гришенька
 Да третей братъ Васенька.
 Говорилъ какъ тутъ царь государь
 Да царь Иванъ Васильевичь.
 «Любимой шуринъ мой!
 «Кастрюкъ Демрюковъ сынъ!
 «У миня питія на столи,
 «У миня борьци на двори,
 «Ковда есь вѣра боротисе
 «Тѣ изъ дани, изъ пошлины
 «Да изъ накладу ту великого».
 Кастрюкъ поскакивае,
 Кастрюкъ поплясывае;
 (*Вишь коль боекъ!*)
 Кастрюкъ черезъ столъ скочилъ,
 Кастрюкъ питія сплескалъ.

Говорила какъ родна сестра,
 Да цариця-благовѣрница,
 Да ино Марья-та Демрюковна:
 «Ужъ ты ой еси, Кастрюкъ-Демрюкъ!
 «Не ходи ты боротисе
 «Ты изъ дани, да изъ пошлины
 «Да изъ накладу-то великого».
 Кастрюкъ паскакиваё,
 Кастрюкъ поплясываё,
 (*Какой-то скакливый былъ*)
 Онъ тому то не ослышиться;
 Онъ выходитъ на улоньку,
 (*При публикѣ*).
 На крылечюшко красной,
 О перила облегаитьсе.
 Говорилъ какъ Мишенька:
 «Ужъ ты гой еси, царь государь!
 «Царь Иванъ Васильевичь!
 «Мнѣ-ка не съ кимъ боротисе».
 Говорилъ какъ Гришенька:
 «Ужъ ты гой еси, царь государь!
 «Мнѣ-ка не съ кимъ руки патратъ 1)».
 Да говорилъ какъ Васенька:
 «Ужъ ты ой еси, царь государь!
 «Ужъ бы радъ я боротисе,
 «Съ Кастрюкомъ бы поводитисе,
 «Я изъ дани, изъ пошлины,
 «Изъ накладу-ту великого,—
 «Да я топеря со царева кабака,

1) Марать.

«У мня болить буйна голова,
 «Шипить ретиво серьцё».

А наливають какъ чяру вина,
 Да не велику, четвертиною;
 А подавають Васеньки,
 Да выпиваётъ Васенька:
 «Да спасибо тибѣ, царь государь!
 Опохмѣлилъ буйну гóлову,—
 Не окатилъ ретивá серьця,
 Не звеселилъ добра мóлодця».

А наливають вторую чяру,
 Да не велику, четвертиною;
 А подавають Васеньки,
 А выпиваётъ Васенька:
 «Да спасибо тебѣ, царь государь
 «Да царь Иванъ Васильевичь!
 «Опохмѣлилъ буйну́ голову
 «Окатилъ ретиво́ серьцё,—
 «Не взвеселилъ добра молодця».

Наливають третію чяру,
 Да не велику четвертинною;
 Подавають Васеньки,
 Выпиваетъ Васенька:
 «Да спасибо тебѣ, царь-государь,
 «Царь Иванъ Васильевичь!
 «Опохмелилъ буйну голову,
 «Окатилъ ретиво серьцё,
 «Взвеселилъ добра молодця;
 «Ужъ я радъ нынъ боротисе,
 «Да съ Кастрюкомъ и поводитисе,
 «Я изъ дани, изъ пошлины

«Изъ накладу-ту великого»!
 Они стали боротисе.
 Первый Кастрюкъ бросилъ,
 Второй Кастрюкъ бросилъ.
 Какъ и Васенька хромонькой
 Онъ на ножку-ту справилса,
 За лопотья ¹⁾ ти сграбилса,
 Онъ и прёрвалъ лапотье все.
 На рукахъ то ей потрехиваётъ,
 До земли то не допускиваётъ.
 Ишшо думали Кастрюкъ-Демрюкъ,
 А и Марфа Демрюковна.
 Да она проклиналасе
 Да она заклиналасе:
 «Да не дай, Богъ, бывати здѣсь
 «У царя въ Каменной Москвы
 (*Ни за што не заманишь ей преникомъ*).
 «Да не дѣтямъ, не внучатамъ,
 «Да не внучетамъ, не павнучетамъ!»

.....

¹⁾ Лапотье—одежда. Лапотиной до сихъ поръ называютъ на сѣверѣ сарафанъ широкаго покроя.

У бабушки Кривопольновой талантъ всеобъемлющій: съ задоромъ, съ огнемъ поетъ она скоморошины и съ величайшимъ проникновеніемъ—чудесные духовные стихи.

По мотиву удивительно красивъ стихъ о святомъ Егоры; онъ интересенъ еще тѣмъ, что во второй своей части совсѣмъ переходитъ въ былинныя формы.

Глубоки по содержанию стихи о «Вознесеніи» и о «Михаилѣ Архангелѣ».

ВОЗНЕСЕНІЕ.

Проходитъ Христово да Воскрисеніе,
Доходитъ Христово да Вознисеніе,
Вознесса Христоръ на нѣбесі,
Со лангилами да съ херуимы,
Со опостолами да сарафимы,
Оставиль насъ нишшую братью,
Оставиль убогую сироту.
Заплакала нишшая братья,
Зарыдала убогая сирота:
«На кугò ты насъ, Христоръ, да оставляешь?»
«На куго насъ да спокидаешь?»
«Будёмъ мы и холодны и голодны,
«Да будемъ не обуты да не одѣны,
«Отъ темной-то ночи не укрыты!»
Спроговорить Христоръ, да царь небесной:
— Не плачьте-тко, нишшая братья
— Не рыдайте убогая сирота:
— Оставляю вамъ гору да золотую,
— Оставляю вамъ рѣку да медовую,
— Оставляю вамъ садъ съ виноградомъ,
— Дагъ будете вы сыты и пьяны,
— Да будете обуты и одѣны,
— А отъ темной-то ночи и укрыты.

Спроговорилъ какъ Иванъ-отъ да Златоусто:
 «Ужъ ты истиной Христось, да царь небесной!
 «Не оставляй нишшимъ горы да золотою,
 «Не оставляй нишшимъ рѣки да медовою,
 «Того жа сада да съ виноградомъ,
 «Нишшимъ горою да не бладати,
 «Медовой имъ рѣки да не видати,
 «Того жа сада да съ виноградомъ:
 «Узнають купци—власти торговы,
 «Отнимуть у ихъ гору да золотую,
 «Отнимуть у ихъ рѣку да медовую,
 «Отнимуть у ихъ садъ да съ виноградомъ,
 «Да будутъ они холодны и голодны,
 «Да будутъ не обуты да не одѣны,
 «Отъ темной-то noci да неукрыты.
 «Оставь имъ своё имѣ Христово —
 «Ходить по селамъ, по деревнемъ,
 «Да чясто Христа будутъ поминати,
 «Да истинного будутъ звеличати,
 «Дакъ будутъ они сыты и пьяны,
 «Дакъ будутъ одѣны и обуты,
 «Отъ темной-то noci прикрыты».
 Слава Христу ту да Сыну Богу,
 Да слава Христу и на небесахъ!

МИКОЛА.

Светитель Микола, Меркольской Чюдотворецъ!
А гдѣ жа твои мошшы? Невѣрной страды нѣмьцяхъ,
Ахъ, во земли во турьской, въ славномъ Балеградѣ.
Пишомъ ликъ твой на свету икону,
Ставимъ мы икону въ новую часовню,
Въ кивоварену божницю,
Украшаемъ мы Светителя, мы жа чистымъ серебромъ,
Мы жа краснымъ золотамъ, жемчугомъ окатистымъ,
Прибѣгаемъ къ Светителю съ вѣрою, съ любовью,
А просимъ у Светителя великой мы помошшы.
Въ бѣдахъ и въ напастяхъ онъ свѣтъ сохраняе,
Въ болѣзняхъ лёжашихъ онъ свѣтъ истѣляетъ,
Въ темницахъ сидяшихъ онъ свѣтъ избавляе,
А по морю плаушшихъ онъ свѣтъ направляе,
Волны да усмиряе, враговъ прогоняетъ.
Слава Христу Богу со своимъ угодникомъ,
Со светителемъ Миколой, съ Мерькольскимъ чудо-
творцемъ.

.....

МИХАЙЛО АРХАНГЕЛЪ.

Да зайдуть человѣче да на Хивонъ на гору
Да згленуть человѣчя да ино верьхъ по земли.
Ишша чѣмъ мати земля изукрашенная?
Изукрашѣна земля черьквями божьима,
Да зайдуть человѣче да на Хивонъ на гору,
Да згленуть человѣчя да ино внизъ по земли,
Ишша чѣмъ мати земля принаполненная?
Принаполнена земля душáми грѣшныма.
Протекла рѣка да рѣка огненная
Отъ востоку-ту протекала да вплоть до западу;
Ширина глубина да не намѣреная.
Черезъ огнену рѣку да перевозъ вѣдь есь.
Перевощикомъ Михайло Архангилъ со Гáвріиломъ.
Ишша праведныхъ какъ душъ дакъ перевозить за
рѣку,
Перевозить да переносить ихъ на ту сторону,
Ихъ на ту сторону да ко присвѣтлому раю,
Ко присвѣтлому раю, да къ самому Христу.
А и грѣшны тѣ души да ходять по берегу
А крычатъ-зычатъ да громкимъ голосомъ своимъ:

«Ты, Михайло Архангиль со Гавриломъ,
 «Перевези насъ, перенеси да черезъ огнену рѣку,
 «Черезъ огнену рѣку да насъ на ту сторону,
 «Насъ на ту сторону да къ присвѣтлому раю,
 «Ко присвѣтлому раю, да ко самому Христу!»
 Отвичяё Михайло со Гавриломъ:

— Ишшо, души, вы души, да души грѣшныя таки,
 — Ишша намъ вѣдь васъ да намъ не велѣно везти,
 — Намъ не велѣно везти, да не приказано намъ;
 — Ишша жили, вы душечки, на вольнемъ на свѣту,
 — Вы не знали, вы ни сѣреды, ни пятници,
 — Да не свѣтлого Христова да воскресеньица.
 — Ужъ вы божьей то церкви не хаживали,
 — Ужъ вы звону колокольному не варывали 1)
 — Какъ четья-пѣтя 2) церковнаго не слушивали,
 — Вы подите, бредите, вы души, да душа въ огнену
 рѣку,

— Души въ огнену рѣку, да муку вѣчную!
 Тутъ заплак'ли, зарыдали да души грѣшныя:

«Ты прости-тко, прости да намъ вѣдь бѣлой свѣтъ,
 «Ты ишшо-ко, прошай да самъ Исусъ Христось,
 «Ты прошай-ко, прошай ты, Михайло Архангиль
 со Гавриломъ!

«Вы прошшайте, прошшайте да отцы—матери,
 «Вы прошшайте, прошшайте, да брати, сестрици,
 «Вы прошшайте, прошшайте, да мужьи мудрыя,
 «Вы прошшайте, прошшайте, да жены мужни!»
 Зарыдали, заревѣли да души грѣшныя.

1) Не вѣровали.

2) Чтенія и пѣнїя.

Присвета мать Богородиця не могла да на ,пристоли
усидѣть¹⁾).

Не могла же какъ она ихно горѣ притерпѣть,

Столкнула какъ она да двѣ горы;

Тутъ гора же съ горой да столкнулиси.

Засыпало рѣку песками хрешшами сыпучима.

.....

¹⁾ Пѣвица рассказывала прозой, что Богородица не могла усидѣть на престолѣ, сорвалась со престола, содвинула гору съ горой и засыпала песками огненую рѣку, чтобы спасти грѣшниковъ. Здѣсь М. Д. пыталась сложить стихи.

ЕГОРЕЙ.

Какъ у Федора купця,
У черниловця,
Уродилосе и два отрока,
И два отрока и двѣ дочери,
Уродилсе еси да тутъ Егорей светъ.
Понесли Егорья да по суду по Божьему.
Въ людяхъ то да таки трехъ годовъ,
Егорей светъ да такой трехъ недѣль;
Въ людяхъ-то да таки ш'сти годовъ,
Егорей светъ да такой ш'сти недѣль.
Роспозналосе царишшо Демьянишшо,
Онъ вѣдь Федора купца да все подъ низъ кланѣтъ
А онъ Егорья света къ собѣ берё,
Онъ къ себѣ берё, да во свою землю,
Во свою землю, да въ проклету орду.
Самъ жа Егорью да возглаголуётъ:
«Ужъ ты чью Егорей да вѣру варуёшь?
(Вѣрь вѣдь много, двѣнадцать, можетъ).
«Ужъ ты варуёшь-ле вѣру жидовскою,
«Ужъ ты молисьсе-ле ты богамъ нашимъ, долы-доламъ?
Тутъ же Егорей да возглаголуётъ;
Онъ стихи поетъ да каруимскіе,

Онъ глаза ¹⁾ возносить да все по ангельски,
 Тутъ жа царишшо да осержалосе,
 Тутъ же Демьянишше да воспылуитсе:
 «Хошь-ли, Егорей, на огни сожгу?»
 Взяль какъ Егорья на огни жокчи,
 Не добре Егорей на огни горить,
 Подъ светымъ Егореемъ вода тецетъ,
 И вода тецетъ и трава ростетъ,
 И трава ростетъ и цвѣты цвѣтуть.
 Тутъ жа Егорей да возглаголуё,
 Онъ стехи поё да харуимьскіе,
 Онъ влазы возносить да какъ по ангельски.
 Тутъ жа царишшо да осержалосе,
 Тутъ жа оно да воспылуитсе:
 «Хошь-ле Егорей, на воды стоплю?»
 Не добры Егорей на воды тонё,
 Светъ Егорей да по верьхъ плаваё.
 Онъ стихи поетъ да харуимьскіе
 Онъ глаза возносить да все по ангельски.
 Тутъ жа царишшо да осержалосе
 Тутъ жа оно да воспылуитси:
 «Хошь-ле, Егорей, да на пилы спилю?»
 Взяль какъ Егорья да на пилáхъ пилить,
 Не добры Егорея пилы берутъ,
 Отъ света Егорья да пилы сыплютсе.
 Тутъ же Егорей да возглаголуё,
 Онъ стихи поетъ да харуимьскіе.
 Тутъ жа царишшо осержалосе,

1) Гласы. Часто вмѣсто «гласы» бабушка произноситъ
 блазы или влазы.

Тутъ жа оно да воспылуется.
 Взялъ какъ Егорья за бѣлы руки,
 Онъ повель какъ Егорья да во чисто полѣ,
 Закопалъ Егорея да во глубокъ погребъ;
 Онъ не мелокъ, не глубокъ да сорока сажонъ.
 Засыпалъ онъ пескомъ хрешшомъ сыпучимъ-е,
 Закаталъ онъ каменьёмъ сѣрымъ-е.
 Забросалъ онъ плитёмъ залѣзнымъ-е.
 Самъ же Егорью да возглаголуѣ:
 «Не бывать тѣ, Егорей, на бѣломъ свѣту,
 «На бѣломъ свѣту да на светой Руси,
 «Не видать тѣ, Егорей, да свѣту бѣлого!»
 Тутъ жа Егорей да возглаголуѣ
 Онъ стихи поеть да харуимьскіе
 Онъ блазы возноситъ да все по ангельски.
 «Спасъ ужъ, ты Спасъ, да многомилосливъ,
 «Присвѣтая ты мати, да Богородиця!
 «Ужъ вы дуньте-тко, вѣтры, да вѣтры буйные,
 «Соносите пески-хрешши сыпучіе
 «Сокатайте каменьё сѣроѣ,
 «Собросайте плитё залѣзноѣ!»
 Какъ по божьей да было милости,
 По Егорьевской было таланисти,—
 Дунули вѣтры, да вѣтры буйные,
 Соносили пески-хрешши сыпучіе,
 Сокатали каменьё сѣроѣ,
 Собросали плитё залѣзноѣ,
 Сталь и какъ Егорей на бѣломъ свѣту,
 На бѣломъ свѣту и на светой Руси.
 Онъ пошолъ какъ Егорей да по чисту полю,
 Онъ зашелъ какъ Егорей да во Божью церкву,

Во Божьей церкви да все пустымъ пусто,
 Все пустымъ пусто да некуго нѣту.
 Тутъ стояла Елена премудрая,
 Все премудрая да богомольнея,
 Тутъ жа Егорью да возглаголуё:
 «Ужъ ты чью, Егорей, да вѣру варуёшь,
 «Ужъ ты варуёшь вѣру жидовськую;
 «Ужъ ты молисьсе ли богамъ ихнымъ долы-доламъ?»
 Тутъ жа Егорей да возглаголуётъ:
 Онъ стихи поетъ да харуимськіе,
 Онъ влазы возносить да все по ангельски.
 Тутъ жа Елена да возглаголуётъ:
 «Ужъ ты ой жа еси, да ты Егорей Свѣтъ,
 «Ты поди-тко, Егорей, на конюшенъ дворъ,
 «Ты бери-тко, Егорей, коня доброго,
 «Коня доброго да со семи цѣпей,
 «Поѣжжай-ко въ заставы жидовськіе:
 «Есь тамъ три заставы жидовськихъ-е,
 «Добрымъ молодцямъ да все проѣзду нѣтъ,
 «Яснымъ соколамъ да тутъ пролету нѣтъ».
 Тутъ жа Егорей какъ послушливъ былъ,
 И послушливъ былъ да послухмянёнъ былъ,
 Онъ пошолъ и какъ Егорей да на конюшонъ дворъ
 Онъ беретъ вѣдь Егорей коня доброго,
 Коня доброго да со семи цѣпей,
 Скоро онъ скачѣтъ на добра коня,
 Онъ поѣхалъ къ заставы жидовськіе.
 Пріѣжжая къ первой заставы жидовское;
 Пришли горы высокіе,
 Пришли лѣса дремучіе,
 Добрымъ молодцямъ да все проѣзду нѣтъ,

Яснымъ соколамъ да тутъ пролету нѣтъ.
 Тутъ жа Егорей да возглаголуѣ;
 Онъ стихи поетъ да харуимськіе,
 Онъ власы возноситъ да все по ангельски:
 «Спась, ужъ ты Спась, да многомилосливъ,
 «Присвета ты мати, да Богородиця,
 «Розодвиньтес-ко горы высокіе,
 «Розодвиньтес-ко лѣса дремучіе
 «На всѣ стороны да на четыре же:
 «Добрымъ молодцамъ да все проѣздъ бы былъ,
 «Яснымъ соколамъ да все пролетъ бы былъ!»
 Какъ по Божьей да было милости,
 По Егорьевской было таланисти—
 Розодвинулись горы высокіе,
 Розодвинулись лѣса дремучіе,
 На всѣ стороны, да на четыре же—
 Пролегла туды да путь дорожечка
 Добрымъ молодцамъ да все проѣздъ тутъ сталъ
 Яснымъ соколамъ да все пролетъ тутъ сталъ.
 Приѣжжаётъ Егорей ко второй заставы жидовское,
 Тутъ сидитъ какъ вѣдь да Вострогоръ-птиця.
 А хвататъ, имать да все живкомъ людей.
 Тутъ-жа Егорей да возглаголуѣ:
 Онъ стихи поётъ да харуимськіе,
 Онъ блазы поётъ да все по ангельски;
 «Онъ жа еси да, Вострогоръ-птиця!
 «Полетай-ко жа ты да на синѣ морѣ
 «А хвататъ имать да сѣрыхъ утицей,
 «А ишша имать да бѣлыхъ лебедей!»
 Какъ по Божьей да было милости,
 По Егорьевской было таланисти

Полетѣла какъ тутъ да Вострогоръ-птиця,
 Полетѣла она да на синѣ морѣ
 А хватать-имать да сѣрыхъ утицей,
 Ишша имать да бѣлыхъ лебедей.
 Пролѣгла туды да путь дорожечка,
 Добрымъ молодцямъ да все проѣздъ тутъ сталъ
 Яснымъ соколамъ да все пролетъ тутъ сталъ.
 Приѣжжае къ третьей заставы жидовською.
 Онъ стехи поетъ да харуимськіе,
 Онъ влазы возноситъ да все по ангельски,
 Слѣзоваль какъ Егорей съ добра коня,
 Розуваль какъ сапогъ да со право́й ноги,
 Засыпаль онъ песку да хрешшу сѣрого,
 Онъ и шшибъ Змѣишшу да во черны глаза...
*(Какъ тутъ у меня стало нескладно, и мама не
 складно говорила, тутъ ужъ я не умѣю).*
 Тутъ Змѣишше въ землю по поесу!
 Розуваль сапогъ да со лѣвой ноги,
 Засыпаль песку-хрешшу сѣрого,
 Шшибъ какъ Змѣишшу во черны глаза
 Тутъ и Змѣишшо скрозъ землю прошло.
 Приѣжжатъ Егорей свѣтъ къ отцю, къ матери
 Отець-матушка не признали Егоря.
(Тутъ ужъ болѣ ничего не знаю, не слыхала...).

ВИНОГРАДЬЁ.

Виноградіе красно-зеленоё ¹⁾
Да ишшо хто такой стучить
Да во светыхъ-то вечерахъ?
Да во светыхъ-то вечерахъ
Да виноградчицы стучять.
Да ишшо спрашиваютъ робята
Господина да во дворахъ.
Да ешшо около двора
Да все трава да мурава.
Да все трава ли мурава
Цвѣты лазуревые,
Да ворота тѣ тутъ какъ были
Да какъ хрустального стекла;
Да ободверенки тѣ были
Какъ чистого серебра;
Да приворотенки тѣ были
Да все рѣшетчатые;
Да блаослови, сударь хозяинъ,
Да ко двору притти.
Да ко двору притти,

¹⁾ Припѣвъ черезъ каждые два стиха. Величальное «Виноградье» поется о Рождествѣ.

Да на краснó крыльце взойти.
Со красного со крыльця
Да на новы сѣни ступить,
Со новыхъ-то со сѣней
Въ нову горенку зайти,
Въ нову горенку зайти
Да среди на полу стать.
Да блаослови, сударь хозяинъ,
Да виноградіе испѣть
Да какъ у хозяина (имя рекъ)
Какъ во горенкѣ у ихъ
Стоитъ тесовая кровать,
Да на тесовой на кровати
Да пуховая перина.
Да на пуховой на перинѣ
Тутъ бѣлая простыня.
Да какъ подушечки тѣ были
У ихъ шёлковые,
Одѣялышко лежало
Тутъ чѣрнаго соболя,
Да тутъ и спитъ опочиваетъ
Тутъ вѣдь самъ-отъ господинъ
Да со своею госпожею,
Да со умною женой.
Межъ има-то вѣдь каталса
Да злаченъ перстень,
Да не злачёнъ перстень катался—
Крѣпка думá межъ има.
Они думали гадали
Да ясна сокола сряжали.
Да ясёнъ сокóль летить,

Да имъ куницъ-то догонѣтъ
 На житье имъ на бытъе,
 Да на богатесьво.
 Да выходилъ вѣдь господинъ
 Да на прекрасное крыльце.
 Да выносилъ онъ господинъ
 Да онъ серебряной рупь,
 Да подарилъ онъ господинъ
 Да виноградчицей.
 Да выходила госпожа
 Да на прекрасное крыльце,
 Да выносила госпожа
 Да золоту гривну,
 Подарила госпожа
 Да виноградчицей.
 Да выходили малы дѣти
 На прекрасное крыльце
 Да выносили малы дѣти
 Да бѣлъ крупичатой калачъ.

.....

НЕБЫЛИЦА.

Небылиця въ лицахъ небывальшына,
Да небывальшына, да неслыхальшына.
Старину спюю да стародавною,
Да небылиця въ лицахъ, небывальшина,
Да небывальшына да неслыхальшына.
Ишша сынъ на матери снопы возилъ, ¹⁾
Все снопы возилъ, да все коноплены.
Какъ старá матеръ да въ кореню была,
Молода жона да въ пристяжи была.
Какъ старú матеръ да попонюгивалъ,
Молоду жону да присодерживалъ.
На гори корова бѣлку лаела,
Ноги росширя, да глаза выпуча.
Ишша курица подъ осѣкомъ ²⁾ траву сѣкетъ,
Какъ овця въ гнѣзди да яйцѣ садить.
По поднебесью да сѣръ медвѣдь летить.
Онъ ушками, лапками помахивалъ,
Онъ чернымъ хвостомъ да принаправливалъ.
По синю морю да жорнова пловуть,

1) Послѣ каждаго стиха припѣвъ: «да небылиця...».

2) Заборъ.

Бабушка выступила со своими старинами въ Москвѣ, Твери и Петроградѣ: 8 разъ публично, въ научныхъ и литературныхъ кружкахъ 4 раза; въ 5 высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ 40 среднихъ и 6 низшихъ.

Какъ не растерялась старая нищенка передъ лицомъ тысячной толпы?

Это тайна артистической власти. Пусть она неграмотная нищенка, а въ первыхъ рядахъ сидятъ знатные, богатые, ученые, — но бабушка властвуетъ надъ ними, потому что въ эту минуту чувствуетъ себя и богаче и ученѣе всѣхъ слушателей. Она поетъ «Небылицу», эту пустую, забавную чепуху и такъ властно приказываетъ всѣмъ подтягивать, что тысячная толпа, забывъ свой возрастъ и положеніе, въ это мгновеніе полна однимъ желаньемъ: угодить лѣсной старушенкѣ. Обаяніе ея личности, твердой, свѣтлой, и радостной, выкованной дивнымъ сѣверомъ, отражается въ ея исполненіи, и такъ понятенъ воз-

гласъ толпы, одинаковый во всѣхъ городахъ: «Спасибо, бабушка!» Такъ понятно желаніе тысячи чело- вѣкъ пожать старую, сморщенную руку, всю жизнь горестно протягивавшуюся за подаяніемъ, пожать съ чувствоиъ любви и уваженія къ бабушкѣ, какъ къ образу нашего народа.

.....

в зависимости от текста эти 2 такта иногда повторяются. **Усишша**

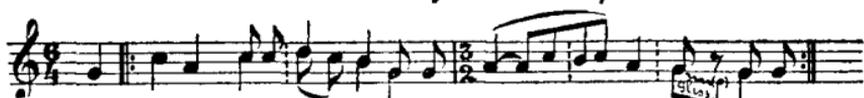

Иш-шо за рь-кой, рь-кой бы-ло че-ты - ре дво-ра Да че-
ты - ре дво-ра, да изъ во-ро-ты) во-ро-та; иш-шо
{ Жиль та-кой кре-стья - нинь, онъ
со-ло-ду не рас-тиль за-всег - да пи-во ва-рилъ онъ и
де-негъ ис-ку = етъ да день-ги взай - мы да-етъ; онъ и,
жилъ та-ки у сиш-ша и.т.д.

Вариантъ Усишши

Купанье Добрыни

А мо-ло дь) Доб-рынюшка Ми — ни ——— тичь младъ не
въполномъ у—ми, не въполномъ ра — зу—ми, не въве-
ли-комъ доб—ры нюш-ка воз — рас-ти, на-дѣ-
ва-есть доб—рыня платъе цвѣт — но—е и.т.д.

Кастрюкъ

(А...) во Та—у-лі-и во го—ро—ди, да во Тау-
у-лі-и хо-ро—шем—(е), по-из-
волилъ нашъ царь го-су-дарь да царь И-
ванъ) Ва—силь-е — вичъ etc.

Ивань Грозный

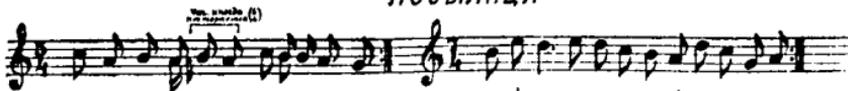
Было у насъ во Ца—рь го—ро—дѣ да не бы—ло ни дя—ди—ны, ни вот—чи—ны, Да
жилъ какъ бы—л(ы) про—зви—тель царь, Про—звитель ють царь И—ванъ Ва—силъ е—вичъ, Бы—
ла семья е—го лю—би—ма—я, а былъ у не—го толь—ко боль—шой сынъ и т. д.

Князь Михайло

Иш—ша жилъ да князь Ми—хай—ло, бы—ла Ка—те—ри—на по—жи—ла
А бы—ла въдъ дочь Нас—тасъ—я да—ча—до ми—ло—е у нихъ
го—ворилъ, какъ князь Ми—хай—ло да онъ кня—ги—нѣ по—жи—лой: *etc.*

Небылиця

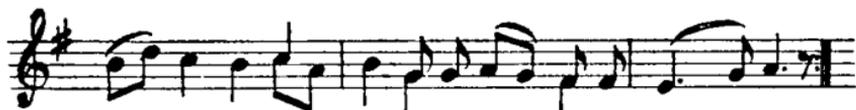
У честной вдовы да у не—ни—лы не—бы—ли—ця вли—цяхъ не—бы—вальшына, да
А у ей бы—ло ча—до Ва—ви—ло *etc.* не—бы—вальшына да не слы—хальшына *etc.*

Стихъ о Егоріи

Какъ у Ве-до-ра куп-ця у Чер-ни-лов-ця У-ро-
дилось и два от— ро—ки и два
от-ро-ки и двѣ до-це-ри *ets.*

Вознесень

Про-хо-дитъ хрис-то-во да Вос-кре— сень — е
До-хо-дитъ хрис-то-во да Воз-ни— сень — е *ets.*

Виноградіе

Ви-но-гра-ді-ѣ да красно зе-ле— но-ѣ, да ишша ктотакъ стучить да во свя-
-ѣ да красно зе-ле— но-ѣ, да во свя-тыхъто вече-рахъ, да ви-но-

тыхъто ве-че—рахъ; ви—но—гра-ді
градчи-цы сту-чатъ; ви—но—гра-ді-ѣ) *ets.*

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТРАН.
Отъ автора	5—16, 73—75, 95 и 115—116
Соловей Будемеровичъ и Завава Путевисьня	17
Илья Муровичъ и Калинъ Царь	27
Илья Муровичъ и чудище	38
Молодость Добрыни и бой его съ Ильей Муровичемъ .	46
Купанье Добрыни и бой его со Змѣемъ Горынищемъ .	53
Иванъ Грозный.	56
Смерть Князя Долгорукого	61
Князь Дмитрій и Домна.	63
Молодецъ Добрыня губить невинную жену	68
Князь Михайло.	70
Вавило и скоморохи	77
Усишша	85
Кастрюкъ	87
Вознесеніе	97
Микола.	99
Михайло Архангель	100
Егорей	103
Виноградье	109
Небылица	112

Приложеніе.

Мелодіи:

Усишша, Варіантъ Усиши, Купанье Добрыни,	
Кастрюкъ	117
Иванъ Грозный, Князь Михайло, Небылица . . .	119
Стихъ о Егорей, Вознесенье, Виноградье.	121

Обложка и титулъ работы художницы *Е. В. Гольдингеръ*. Портреты съ фотографіи *А. Черепановой* и *А. Антоновой*. (Atelie Genre Gravure. Petrograd). Мелодіи записаны съ голоса *В. Г. Каратыгинымъ*.